

СЫЩИК

Роман Буревой
Олимпиец

«Автор»

Буревой Р.

Олимпиец / Р. Буревой — «Автор», — (Сыщик)

Недалеко от боевой станции найден старый боевой катер с мертвым пилотом. Событие неприятное, но ничего экстраординарного в нем нет: подобные «летучие голландцы» – не редкость в космосе. Однако позже выясняется, что катер пропал двадцать пять лет назад, а пилот его погиб совсем недавно. Расследование поручено префекту по особо важным делам, генетическому сыщику Корвину. Куда заведет его расследование в этот раз, какую роль в этом играет таинственная планета Олимп и чем грозит найденный катер с мертвым пилотом его родной планете, Корвину еще предстоит выяснить. А времени у него очень мало...

© Буревой Р.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Книга I	18
Глава 1	18
Глава 2	35
Глава 3	39
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Роман Буревой

Олимпиец

Пролог

По вечерам небо над болотами светилось зелено-голубым. На макушках древовидных папоротников огненной росой тлели огоньки. А потом из-за горизонта поднималась кроваво-красная луна Фатума, небо чернело.

После провала очередного наступления и заключения перемирия (командование утверждало, что на три недели, но никто из ветеранов не верил в столь длительную ремиссию) Вторая когорта XX Лацийского легиона устроила базу на старом капище.

«Капище» – название условное. В нагромождении каменных блоков легко угадывался фундамент и зачатки могучих стен, в глубине скрывались системы подземных ходов и складских помещений. Замысленное с размахом, строение бросили недостроенным, а не разрушенным. С первого взгляда даже неискушенный наблюдатель мог бы заметить, что каменные блоки пригнаны друг к другу идеально. Отсюда, видимо, и пошли таинственные рассказы о чужих и высших расах, о святилищах и жертвенниках, о похищенных людях и голосах в ночи.

Никто не знал, откуда взялись на Фатуме развалины. Парочка археологов, что крутилась на капище еще в самом начале военных действий, путая планы военных и поминутно мешая, провела серию анализов, после чего погрузилась – результаты говорили о том, что руинам этим не больше четырехсот лет, а значит, не может быть речи о том, что камни эти громоздила другая древняя цивилизация. Получалось, кто-то из землян-колонистов присматривался к этой планете, когда еще ни Лацию, ни Неронии не было до нее дела. Колонизацию начали, но прекратили по неизвестной причине. Остались одинаковые каменные строения, прозванные пришедшими на Фатум легионерами капищами. Скорее всего, это были не святилища, а недостроенные военные базы или нулевые циклы заводов-автоматов. Но все же что-то иное, чуждое, во всех этих постройках угадывалось. Породившая их цивилизация была так же далека от нынешних земных эпигонов, как европейская культура от инков и ацтеков. Но даже этим «чужим землянам» Фатум по каким-то причинам не подошел.

«Да и что толку в этой планете?!» – дивился легионер Флакк, в который раз осматривая громадные идеально обработанные блоки.

Климат мерзкий, большая часть материка – нескончаемые болота. Полезных ископаемых – негусто. Есть нефть, но добывать ее стоит лишь в том случае, если на планете возникнет многолюдная колония. А пока легионеры от нечего делать переделывали боевых роботов-триариев в ходячие огнеметы. Теперь, ко всему прочему, небо почти постоянно затянуто черной пеленой – пожары охватили заросли древовидных хвощей и торфяники, так что без дыхательной маски с фильтром наружу лучше не соваться. Да и прежде не стоило этого делать: местные грибковые споры не слишком дружелюбны человеческим организмам: бывали случаи, когда у легионеров в госпитале обнаруживали трахею и бронхи напрочь забитыми белой дрянью, похожей на жидкую рисовую кашу.

Проклятая планета! К тому же фатумский воздух пригоден для дыхания, и значит, стаж легионера идет один к одному, как будто это обжитая колония вроде Островов Блаженных или – а.

В шутку кто-то стал именовать ее планетой-недоноском. Уж это точно: даже вокруг своей звезды Фатум делал оборот за три с половиной стандартных года. Дождливая зима сменялась не слишком жарким летом, из-за испарений местное солнце казалось сероватым и тусклым. Растения в большинстве своем – хвощи. Животные – различные амебы, гидры и прочая дрянь,

особенно досаждали людям пиявки – сотни видов – от крошечных, не больше трех миллиметров, до огромных, с локоть длиной и толщиной в руку. Одни пиявки питались соком молодых хвощей, другие их пожирали. Но с появлением людей пиявки-хищники с радостью накинулись на человека. Они чуяли добычу за несколько километров, так что военные лагеря приходилось устраивать на скалах и окружать силовым куполом, защищаясь не только от врага, но и от кровососущей дряни. Ящерицы и змеи маскировались под пиявок, крупные пиявки старались походить на змей. Некоторые люди не выдерживали и начинали жечь плазмой все вокруг, лишь бы защититься от кишаших повсюду гадов.

Самыми удивительными местами на Фатуме были зеленые острова. Посреди болот встречались участки, где на поверхность выходили подземные воды. Удивительный состав этой воды не позволял органике гнить и разлагаться – хвощи росли здесь сотни лет и, достигая невероятных размеров, рушились в воду под собственной тяжестью. Но и в воде они лежали до тех пор, пока не иссякал источник. Стволы прогрызали пиявки и устраивали там свои инкубаторы – приятель Флакка, новичок, неосторожно наступил на такой лежащий в воде хвощ, проломил тонкую стенку, и нога его увязла в шевелящейся массе. Мигом твари облепили его с ног до головы. Парня спасли. Но домой, на Лаций, он вернулся практически без кожи.

Упавшие в эти воды мертвецы не разлагались, лежали будто живые в прозрачной воде, тем страшнее смотрелись на белой коже черные дыры, проделанные пиявками, да тонкие надрезы, оставленные челюстями водяных змей. Однажды Флакк видел целую центурию, недвижно лежащую на дне, в новеньком обмундировании, в полном вооружении, как будто легионеры легли в воду и уснули навсегда. Молодые чистые лица, отмытые до белизны погребальных масок, казались изваянными из голубоватого лацийского мрамора.

Через неделю, когда за погибшими вернулась похоронная команда, в воде остались только броня, оружие да металлические пряжки и значки.

По мере того как подземные воды растекались, смешиваясь с водой дождевой, флора вступала в свои права, упавшие растения начинали гнить, вода приобретала коричневый оттенок, появлялись трясины и торфяники. С воздуха зеленые острова можно было отличить сразу – по высоченным хвощам, синеватому цвету воды и удивительно яркой зелени, которая окружала подземные источники.

* * *

В стороне от основной казармы офицеры и легионеры-патриции оборудовали удобный и теплый бункер. Силовой купол – отличная вещь в смысле безопасности, но он не дает комфорта. Если всему легиону, а вместе с ним и Второй когорте придется застрять на Фатуме до весны (а дело к этому шло), то в удобной и теплой «земляночке» (как ее ласково называли легионеры) – зимовать куда удобнее, чем в казарме.

Тесный круг обитателей «земляночки» сложился в основном из патрициев, главным здесь был опцион Эмилий Павел, по его распоряжению Флакка допустили в число избранных на правах новенького.

В «земляночке» было почти уютно. По военным меркам бункер считался просторным, а стены, облицованные камнем, оставались сухими, даже когда начинался сезон дождей. Флакк устроился здесь почти с комфортом – во-первых, имелась печка рядом с походными койками – как только начнутся холода, обитатели будут топить печурку круглосуточно по очереди. Термопатроны интенданты забыли завезти – придется жечь сушеные древесные хвощи – их склад оборудовали в соседнем помещении. Скорее всего, прежние обитатели использовали это подземелье как темницу – именно там центурион Ивар наткнулся на четыре скелета, скованных цепями. То ли несчастных умертвили в этом карцере, то ли заперли и оставили умирать. Келл (так его имя Маркелл сократили в казарме) утверждал, что их принесли в жертву. Но

скелетами легионеров не напугаешь – кости погребли в болоте, могилу отметили камнем. Келл высек на камне: «*Omnes una manet pox*»¹. – Гораций Келл был большим любителем латинских изречений. Он и над входом в бункер хотел выбить слова «*Pro domo sua*»², но успел изобразить одно «Pro», после чего сжег молекулярный резак и на этом опыты с местным камнем закончил.

Походные кровати, двойные одеяла, постельное белье, кухонный комбайн и запас консервов – о чем еще может мечтать легионер, готовясь к зимовке на неколонизированной планете, – разве что о хорошей бане. Ну, термы с бассейном на Фатуме не скоро появятся, это точно, а вот ванную комнату обитатели бункера оборудовали – опять же в одном из подземелий. Отыскали подходящий металлический корпус от автономного лазера, обмазали глиной, внизу соорудили топку. Что может быть лучше горячей ванны после путешествия по болотам? Только вечер, когда ты уже чистый, укутанный в халат, пошитый из упаковочной ткани, сидишь возле печурки, потягиваешь глентвейн и травишь байки, время от времени подсовывая в печку расколотые пополам полые стебли хвоща. Глентвейн варил Серв. Неведомо где он раздобыл бочонок красного вина, гвоздику и кардамон. Келл утверждал, что припасами Серв разжился у неров. А еще он утверждал, что война с Неронией идет за рынки сбыта дорогих вин, а из гигантских фатумских хвощей получают прекрасные бочки. Самое интересное, что многие в эту очередную байку Келла поверили.

По вечерам даже сам центурион Ивар заглядывал в бункер. Роботов-триариев устроили тут же у блиндажа, перевели в спящий режим, усадили бочком друг к другу на сделанном из папоротников настиле, накрыли маскирующей пленкой. Глядя на неподвижных стальных солдат, так схожих очертаниями с людьми, трудно было отделаться от мысли, что там, под пленкой, лежат мертвые легионеры, которым под каким-то нелепым предлогом отказано в погребении.

Эмилий Павел был старше Флакка на семь лет, до войны он успел обзавестись семьей и в армии был с первых дней конфликта, побывал в таких переделках, откуда даже боевому роботу было не выбраться. О первых днях на Фатуме Эмилий Павел ничего не рассказывал. Однажды, когда зашел в «земляночке» разговор о начале войны, Павел ответил, что ничего почти не запомнил – только как шли они по горящим болотам и половина центурии провалилась в горящие торфяники, ресурс брони у всех был исчерпан, реактивные движки давно сдохли. Спасся лишь тот, кто сумел сохранить своего триария, – они выбрались на роботах, как на металлических конях.

– А что еще помнишь? – спросил Флакк. Он явно не поверил опциону: патриций не забывает ничего и никогда, на то и дарована ему родной планетой генетическая память.

– Что это третье перемирие с начала войны, – невозмутимо ответил Павел.

Первое перемирие было кратким, всего три с половиной дня. А потом опять началась мясорубка. Второго перемирия легионеры XX легиона даже не заметили – выбирались из очередной заварушки в болотах. Шли и радовались – чего это неры не стреляют, наверняка снаряды кончились. И лишь дойдя до своих, узнали – почему им так повезло.

Сам Флакк прибыл в легион уже после этого второго перемирия и сразу угодил в пекло. Неры с лацийцами дрались за какую-то скалу на болотах. Тогда больше всего его поразили не вспыхивающие под зарядами плазмы заросли хвощей, не встающий над болотами мерзкий белый пар, а вид собственных рук, внезапно покрывшихся густой черной шерстью. На самом деле была это вовсе не шерсть, а тысячи мелких пиявок, что впились в кожу, они шевелились, раздуваясь, наливаясь кровью. Келл, что примостился за каменной глыбой рядом, вытащил из нагрудного кармана баллончик и опрыскал Флакку руки. Пиявки мгновенно скукожились и осыпались в воду мертвыми стручками, оставив на коже тысячи проколов, из которых сочилась кровь.

¹ Всех ожидает одна и та же ночь (лат.)

² В защиту своего дома (лат.)

А скала досталась лацийцам, неры неожиданно отступили.

В ночь после того боя командир когорты пристрелил из бластера двух легионеров-патрициев без всяких причин. По этому делу Флакка вызывали в штаб легиона, и его допрашивал прилетевший на планету следователь по особо важным делам Валерий Корвин. Допрашивал больше часа, задавал какие-то дурацкие вопросы насчет пиявок, Флакк взорвался и посоветовал молокососу самому отправиться в болота, лучше пешком, и на собственной шкуре испытать, каково там. (Молокосос, к слову, был куда старше самого легионера.) На что Корвин ответил спокойно: «Если понадобится, то непременно побываю», – и допрос закончился. На другой день Корвин явился в расположение Второй когорты, обратился к центуриону, что замещал арестованного военного трибуна, и потребовал, чтобы ему предоставили в сопровождающие легионера Флакка. Целый день они плутали в зарослях хвоща и папоротников на легком двухместном скутере и наконец выбрались к месту недавнего боя.

– Здесь мы уже ничего не найдем, – заметил Флакк. – Болота умеют хранить свои тайны.

– Слишком много тайн, – уточнил Корвин. – Мой вам совет, легионер, постарайтесь, насколько это возможно, никогда не оставаться на болотах ночью. Особенно в одиночку.

– А то появится собака Баскервиль и сожрет меня?! – расхохотался Флакк: его дед обожал Конан Дойля, не столько книги, сколько головидео, так что практически все сюжеты достались Флакку вместе с генетической памятью в наследство.

– Собак здесь нет, – совершенно серьезно ответил Корвин. – Но люди пропадают.

Однако мудрым советом Корвина им в тот раз пришлось пренебречь. Как назло, проклятый скутер сломался в самый неподходящий момент, на просьбу прислать спасательный бот из лагеря никто не ответил. Не работала ни дальняя, ни ближняя связь, сдохли личные комбраслеты. Следователю и его помощнику пришлось заночевать среди болот, на выжженном во время недавнего боя островке сухой земли. Спать они договорились по очереди, полночи один, вторую половину – другой. Флакку выпало дежурить первому. В назначенный час он разбудил Корвина и, завернувшись в защитную термопленку, улегся на землю. Проснулся легионер утром, когда давным-давно рассвело. Тусклое местное солнце светило ему в лицо, шуршали на ветру заросли молодых хвощей, и рядом никого не было.

Поначалу Флакк подумал, что горе-часовой заснул. Но, обойдя весь островок черной сухой земли, окруженный болотами, обнаружил, что остался один. У кромки воды стоял их испорченный скутер. Флакк автоматически стал вызывать по комбраслету базу и обнаружил, что браслет работает, ему тут же ответили и обещали выслать спасательный бот. Тогда Флакка осенило: он кинулся к скутеру. Двигатель завелся мгновенно, дальняя связь включилась без проблем. Более того, на дисплее отчетливо светилась зеленая точка – следователь Корвин был где-то неподалеку.

Флакк отыскал его спустя пятнадцать минут на соседних скалах, патриций спал, подложив под голову шлем, и его не разбудили ни шум подлетающего скутера, ни крик Флакка. Комбраслет на его руке, видимо, давно уже и безрезультатно пикал, вызывая владельца.

Когда Флакк подбежал к спящему, то увидел, что к щеке следователя присосалась здоровенная, сантиметров тридцать длиной, лиловая пиявка. Лиловая от высосанной крови.

На другой день Корвин улетел с Фатума, забрав с собой командира. С тех пор перед выходом на болота всем легионерам стали выдавать кругляшки зеленого пластыря и раз в неделю поить всех в обязательном порядке черной горькой микстурой.

– Сок из пиявок, – шутил Келл, и, как потом выяснил Флакк, парень был недалек от истины.

Третье перемирие застало Флакка в теплом блиндаже на старом капище под силовым куполом.

* * *

– Зачем за эту долбаную планету воевать? – бормотал Келл, потягивая глинтвейн. – Поделим ее пополам с Неронией, и все дела. Хвощей на всех хватит.

– Невозможно, – озвучил Флакк официальную версию. – Это ключ к дальнейшему освоению сектора.

– А нам нужен этот сектор? Силенок хватит? Мы и метрополию еще не обустроили как следует, не говоря о колониях, а все мечтаем о новых землях. Сколько мы положили народу на этих болотах? Хорошо, у пиявок нет разума, а то бы они свихнулись, пытаясь понять, зачем им в болота кидают столько дармовой жратвы. Или забыл, как десантировался? – съязвил Келл.

Да, десантирование Флакка и его центурии нельзя было назвать удачным. Почти все легионеры и боевые роботы погибли, кто уцелел, в одиночку добирался до своих по болотам. Флакк оказался в числе счастливицов, не только сам спасся, но еще и притащил с собой освобожденную из плена девчонку. Как выяснилось уже в лагере, опциона связи из штаба легата, отделали ее неры по первое число.

Прежде, до этой войны, Флакк относился к нерам вполне доброжелательно. Ну выбрали земляне для своей планеты другую историческую реконструкцию, нежели Лацийцы, разве это так важно? Люди как люди. Как все.

Исповедуют, как религию, гедонизм, но это, как говорится, их проблемы. Если чревоугодие не мешает соседу, это не порок. И вдруг выяснилось, что гедонизм совсем не исключает садизма. Неры даже не допрашивали девчонку – для этого существуют более тонкие методы воздействия, чем нож или раскаленный прут. Кнехты просто глумились, развлекались, в силу своей убогой фантазии. Правда, у неров в армии в основном наемники, сами они не воюют. Но разве они не в ответе за действия тех, кого посылают в бой?

– Планета должна принадлежать кому-то одному. Иначе останется повод для вечного конфликта, – не сдавался Флакк. Не то чтобы ему нравилась эта версия. Отнюдь. Но как только он вспоминал изувеченную девчонку, так сразу начинал говорить суконным языком официального канала сената.

– А как же Старая Земля? – спросил Келл. – Там сотни разных систем и территорий.

– Старая Земля – это богадельня! – огрызнулся Флакк. – Приют для беспомощных граждан и огромное кладбище сгинувших цивилизаций. Недаром наши старики уезжают туда умирать.

– А кто мы? Новые цивилизации? – Переспорить Келла еще никому не удавалось. – Что нового мы создали, скажи? Только повторяем, как попугай, старое...

– Конечно, мы – новые! – неожиданно подал голос Павел, хотя до этого делал вид, что дремлет на своей койке и очередная дискуссия подчиненных его не интересует.

– Но чем мы отличаемся от неров? Тем, что их реконструкторы взяли за основу Возрождение, а наши – Древний Рим? У нас эмблема – орел, а у них – совершенный человек Леонардо да Винчи! – все больше распалялся Маркелл, он вообще был заводной, спорить кидался по любому поводу.

Флакк ожидал, что Эмилий Павел продолжит спор, но тот вновь накрылся одеялом с головой, предоставляя другим чесать языки.

– Мы мыслим по-разному. У нас – Республика, сложная юридическая система и чувство долга, у них – император, гедонизм и наемные убийцы браво, – продолжил отстаивать свою точку зрения Флакк, видя, что от Павла словесной помощи не дождешься. Не то что в бою.

– Если чем мы и отличаемся, – не унимался Келл, – так это тем, что у наших патрициев есть генетическая память. Все остальное только форма, которую в любой момент можно отбросить.

– Орк! Отбросить! Все переделать! Ну конечно! Сразу видно, что у человека отец избирался народным трибуном, – хмыкнул Флакк.

– А у тебя дядя заседает в сенате, а отец командует линкором «Сципион Африканский» – это тоже сразу видно, – парировал Келл.

– Видно одно: мы слишком давно бездельничаем, – опять подал голос из-под одеяла Эмилий Павел. – Образ мыслей можно отбросить лишь с головой.

– Меняю: две головы на одну мысль! – засмеялся Келл.

Флакк в деталях запомнил этот разговор, потому что это был их последний вечер в блиндаже.

В тот вечер Серв где-то разжился бобами и принялся варить густую похлебку с грудинкой, но не в кухонном комбайне, а в котелке, на печурке, рассчитывая угостить друзей настоящей бобовой похлебкой с дымком и специями. Варил он долго, печь давным-давно раскалилась докрасна, но почему-то проклятые бобы никак не желали развариваться. Время от времени Серв подносил ложку к губам, старательно дул, пробовал варево и всякий раз морщился.

– Может, это какие-то местные бобы? – предположил Келл.

Серв предъявил свою добычу, обычный мешок для продуктов, на котором значилось: «Бобы, 50 кг, собственность армии Лация».

Мешок достался им полный: Серв его лично вскрыл.

– Есть все равно придется, – меланхолично заметил Келл, – мы же туда две упаковки грудинки вбухали.

Он отобрал у кашевара ложку и попробовал:

– Станный, однако, супчик...

Потом стал пробовать Павел. Съел три ложки, поморщился. Флакк тоже разжевал пару бобов, после чего ложка вернулась к Серву.

Повар-самозванец еще полчаса колдовал над кастрюлей, потом опять приступил к дегустации.

Так и слопали легионеры в конце концов весь суп из недоваренных бобов. А потом кинулись в латрины, закуток у границы купола, отгороженный каменной стеночкой. Там было три удобных стульчака, и торф насыпан, чтобы отбить запах. Но в этот раз торф не помог – вонь стояла жуткая. К утру обитатели бункера истребили все содержимое аптечки и лежали на походных койках пластом, поднимаясь лишь для того, чтобы посетить латрины. Один Флакк был на ногах (хотя «учреждение» все же посетил не единожды) – он с молодых лет питал отвращение к бобовому супу и съел лишь пару ложек, предпочтя на ужин пищевые таблетки и сухари.

Утром центурион Ивар вызвал к себе Павла и приказал отвезти всех любителей бобовой похлебки в госпиталь легиона. Ехать было недалеко, к тому же в тыл, лету чуть больше часа на скутере. Но так уж вышло, что покидать когарту было плохой приметой – уедешь, не вернешься. Даже когда Павлу прострелили обе ноги, он в госпиталь не поехал, Ивар привез медика с хирургическим автоматом, тот сделал операцию прямо в бункере. Две недели Павел по территории лагеря ползал на самодельных салазках с гидроприводом, будто робот недоделанный, лишь бы в центурии своей остаться.

Но в этот раз Ивар был неумолим – в госпиталь, и точка.

«Мне игры в героизм ни к чему», – заявил центурион. Опасался он грибковой и амебной дряни, которую можно с легкостью подцепить на болотах, – болезни выкашивали легионеров во время этой кампании не хуже лазера и плазмы. На всякий случай велено было взять с собой немного бобов для анализа.

Поездка в госпиталь не предвещала неприятностей: на фронте было затишье, очередное перемирие, пока генералы наверху (в прямом смысле, ибо встречи происходили на орбите Фатума) пытались договориться о разделе планеты.

После неудачной попытки Лация прорвать фронт и захватить несколько высот на севере, боевые действия прекратились. Неры больше не получали подкреплений, но и Лацию неоткуда было взять свежие силы. Правда, транспорты с боеприпасами и продовольствием прилетали. Но ни людей, ни даже роботов-триариев взамен выбывших метрополия не давала. Ситуация патовая. Ни один из противников не хотел уступить, но и ни один не мог победить.

* * *

– Чтобы пострать, на болотах не будем останавливаться, – предупредил Павел. – Всем надеть подгузники, по две пары, чтобы до госпиталя дотянуть. Броненагрудники оставить в лагере, надеть только шлемы.

– Подгузники вместо броненагрудников, – хмыкнул Келл.

– Отставить разговорчики! Без брони обойдемся. Оружие взять! – приказал Павел. – Но лишь бластеры и по две гранаты на каждого. И еще по два реактивных движка от бронников. Если в болото угодим, они нас из трясины вытянут.

Приказ оставить броненагрудники легионерам не понравился. Бронник – отличная вещь, зеркальное напыление защищает от бластеров, аморфная сталь – от обычных пуль и осколков. Только от плазменных зарядов не защитит, потому как терморегуляторы слабые. Движки дают усиление мышцам вдвое, а в максимальном режиме втрое. Правда, питания усилителю хватает на полчаса, но в бою зачастую этого достаточно. Однако приказ есть приказ, скутер пятиместный, а ехали они всемером, вторую машину Ивар дать наотрез отказался. Передвижение в тыл не сулило особых опасностей. Разве что пиявки. Но от них броня не защитит.

Пока страдающие животом в последний раз посещали латрины, пока легионеры из соседнего отделения готовили скутер для поездки (для облегчения машины пришлось снять вторую пушку со скутера и оставить на складе три бочонка с автономными лазерами), Флакк решил побриться. Он всегда брился, отправляясь на задание, если позволяло время, – была у него такая примета. Говорят, неры делают себе эпиляцию, чтобы бороды не росли. Но у лацийцев подобное не принято – уж если решили они жить как истые римляне, то не к лицу им бабские ухищрения неров.

Флакк укрепил зеркальце на каменном выступе в «ванной комнате», но только выдавил немного крема для бритья, как зеркало неизвестно почему сорвалось с уступа. Флакк подставил ладонь, пытаясь поймать зеркальце, но стеклянный квадратик чудесным образом миновал его руку, спикировал на пол и раскололся на две аккуратные половинки, хотя в голограмме было указано, что зеркало небьющееся. С минуту Флакк недоуменно смотрел на осколки, потом поднял обе половинки и положил каждую в нагрудные кармашки камуфляжа.

После чего отправился на склад, взял бутылки с чертовой кожей и принес «поносной команде».

– Раздевайтесь! Облейте спину и грудь! – приказал, как будто был командиром. – Чертова кожа, это, конечно, не броня, но от легких лазеров и от пуль защитит. И весит немного.

Гель, твердея, становился прочнее стали и отражал не хуже стекла, но отскребать его с тела было мучением. По инструкции гель должен был наноситься на голое тело, под белье и камуфляж.

– Ты разве нам отец-командир? – усомнился Маркелл. – Павел командует, а не ты.

– У меня предчувствие. Вы знаете, что такое предчувствие патриция?!

– Не буду я обливаться этой дрянью, – буркнул Аврелий. – У меня грудь волосатая. Не то что у вас, пацанов!

– Отставить разговоры! Нанести чертову кожу! – приказал Эмилий Павел, подходя к ним.

К предчувствиям Флакка он отнесся всерьез, ибо сам был патрицем, и подобные прозрения уже не раз спасали его на болотах.

* * *

Выехали они утром, хотя и не слишком рано. Для осени Фатума день был теплым – плюс десять по Цельсию. Тучи разошлись, весело проглядывало местное солнце. Этому солнцу так и не придумали официального названия – а под каким номером оно числилось в звездных атласах, Флакк никогда не интересовался. Легионеры именовали меж собой звезду Фатума Фатумзой. Не имеет значения номер звезды, под которой тебя прикончат и оставят гнить в болоте.

– Осенью здесь все же не так дерьмово, – заметил Аврелий. – Другое дело весна, когда у пиявок начинается период размножения, и лето. Они отращивают крылья и роятся в воздухе, как комары. На скутерах нельзя летать низко над болотами – пиявки и змеи выпрыгивают из воды на метр, а то и больше и норовят вцепиться в добычу. Одни разбиваются о корпус, другие присасываются к бронестеклу, и только его откроешь, как тут же перепрыгивают на тебя.

– Гадючник, одним словом, – пробормотал Флакк, занимая место в скутере позади Аврелия, который умудрился «опоноситься» последним – явился в блиндаж, когда остальные уже сидели в латринах, и, на свою беду, подчистил котелок до блеска.

– Что? Какая еще соль? – поинтересовался Аврелий.

Он был туговат на одно ухо (следствие не старости, а контузии). Глухоту эту непременно вылечат – но потом, в мирное время, на родной планете. Сейчас некогда обращать внимание на подобные мелочи.

– Бери направление строго на юг, – приказал водителю Павел и выложил на приборную панель планшетку с картой. Рядом положил бумажный блокнот и вечную ручку.

Если судить по данным спутниковой разведки, сейчас в этом секторе никого не было. Вообще никого. Ни одного подразделения, ни одного легионера или десантника-нера.

Через полчаса после того, как они покинули базу, Павел, посмотрев на планшетку, обнаружил, что их скутер, поначалу обозначенный веселенькой зеленой точкой, двигавшейся в заданном направлении, теперь почему-то с карты исчез. Горели зелеными контурами лишь два объекта – силовой купол их когорты и лагерь легиона, куда они направлялись.

Что за хрень! Не иначе неры включили какую-то глушилку. А если так, то карта эта превратилась в примитивную обманку. Возможно, неры устроили очередной рейд противнику в тыл, несмотря на объявленное перемирие. А тут нате, лацци, практически без оружия, без брони и все в дерьме.

– Нас сожрал Рок, – сказал Аврелий, скосив глаза на карту.

Хуже всего чувствовал себя Серв. Он так напробовався своей похлебкой, что понос у него сделался кровавым. Несмотря на две пары подгузников, брюки легионера промокли насквозь – из кишечника хлестала кровь с дерьмом. Фельдшер, отправляя их в путь, надел Серву на руку две манжеты с голубой кровью и две – с физраствором, надеясь, что этого хватит на дорогу. У них еще была упаковка манжет с физраствором – на всех. Лучше других себя чувствовал Флакк – с остальными он ехал скорее для проверки, чем для лечения.

Вонь в скутере была невыносимая – волей-неволей пришлось поднять верхнее бронестекло.

Сразу за лагерем на холме с бывшим капищем шли густые заросли низкорослых хвощей. В их зелени легко могли укрыться как отдельная машина, так и солидный десант. Громоздкий скутер, выжимая с трудом двадцать километров в час, утюжил низкорослые хвощи, стебли крошились и падали в ржавую воду.

«Надо было выкинуть и вторую пушку. Все равно мы в таком виде ни от кого не отобьемся, будь у нас хоть десять орудий, – подумал Флакк. – Зато могли бы доехать чуток быстрее».

Он держал на коленях бутылки с фильтрованной водой – страдавшим от поноса легионерам все время хотелось пить. На душе было скверно, и ласковый блеск осеннего солнца не успокаивал. Откуда-то тянуло дымом, хотя ни огня, ни дыма нигде не было видно.

– Что мы забыли в этих зарослях! – пробормотал сидевший за спиной Павла Келл. – Зачем мы вообще поперлись в этот идиотский госпиталь. Остались бы в бункере. Я бы сделал отвар из серых хвощей – от поноса это первое дело.

– Заткнись, Келл, – отозвался Флакк. – Чего ворчать? Приказано в госпиталь, значит, в госпиталь...

Заросли хвоща разошлись, перед легионерами открылась ровная болотина, по бокам окаймленная щеткой ржаво-коричневых стволов, вдаль возвышались отдельно стоящие гигантские «деревья». Залитое водой огромное пространство украшали зеленые, поросшие мхом кочки. На нежной зелени кровавыми каплями поблескивали в солнечных лучах налитые ягоды местной клюквы.

– Да тут можно целый мешок набрать! – мечтательно воскликнул Каплун, прозванный так за близко посаженные ярко-желтые птичьи глаза. – Говорят, местная клюква отлично помогает от поноса. Давайте соберем, а...

– Мы не затем здесь, – одернул Павел. – Авр, гони напрямик на юг. Ориентиром – вон тот холм впереди.

Холм этот чем-то отличался от местного пейзажа – это Флакк заметил сразу. Во-первых, холм был слишком темным, во-вторых, на его поверхности выделялись правильно очерченные овалы.

– Это, похоже, не холм, а корабль, – предположил Флакк.

– Откуда здесь корабль? – изумился Каплун. – *Такой* корабль...

– Не наш точно, – продолжил Флакк суммировать наблюдения. – И на нерский не похож. Они ничего подобного не делают, все больше на живые корабли надеются. Но эта штука в три раза больше любого анимала. Наши корабли такого класса на планеты с атмосферой вообще не садятся.

Флакку было восемнадцать, и в кораблях он разбирался не благодаря собственному опыту, а лишь используя сведения генетической памяти предков. Его отец командовал линкором «Сципион Африканский» еще до появления на свет наследника.

– Чужие, – осипшим то ли от страха, то ли от жажды голосом сказал Келл.

Павел и сам подумал о чужих, но вслух не сказал – уж больно дико выглядело такое предположение. В последнее время говорили о чужих все кому не лень. Мечтали, придумывали подробности встречи, порталы Галанета в красках представляли грядущее. Почему-то все были уверены: если появятся чужие, то войне конец. Но встреча так и не состоялась, до сих пор ни одной разумной формы на планетах не встретили. Если не считать «русалок» Дышащего океана на Китеже. Но их разумность всегда ставили под сомнение.

– Они же, почитай, сели у нас под носом. Почему мы не засекли их? Тут никаких приборов не надо. Чисто визуально можно было узреть такую махину, – сказал Келл.

Сканеры скутера тихо шелестели, пытаясь зафиксировать таинственный холм-корабль. Но опять ничего не могли обнаружить. Впереди, если верить данным компа, были только хвощи, папоротники и скалы. И никакого корабля.

– Если это действительно звездолет чужих, то неров вокруг должно быть не меньше, чем этой треклятой клюквы, – сказал Келл почему-то шепотом.

– Надо подобраться ближе, – оставил его замечание без внимания Павел. – А то улетят и отбросят хвост...

«Отбросить хвост» – это означало: не пользуясь Звездным экспрессом, совершат прыжок через гиперпространство. Выследить корабль в этом случае невозможно.

– Какое – подобраться. Нам в госпиталь надо! Мы – полная срань, все в дерьме. У меня кожа сползает с задницы и со всех прочих мест ниже пояса! – возмутился Келл. – А Серв вообще помирает.

Серву в самом деле было плохо. Он то терял сознание, то приходил в себя и бормотал какой-то бред. Медицинский браслет на его руке светился красным.

– Отставить! Не сворачиваем. В госпиталь! – приказал опцион, отбросив безумный план рейда к кораблю.

– Не люблю я этот сектор, – признался Флакк.

Сказал он это как-то буднично, будто нужно было всего лишь обождать, когда минуют они это болото и доберутся до лагеря.

– Я тоже, – отозвался Павел. – Но на экране неров не видно.

Да, на экране не горело ни единого значка, хотя из зарослей древовидных хвощей на границе поля вынырнули три скутера неров и тут же двинулись лацийцам наперерез. Тяжелый скутер шел в центре. За тупое рыло и две пушки по бокам корпуса его прозвали «быком». «Быка» сопровождали два легких маневренных бота. По самым скромным подсчетам, на трех скутерах должно было находиться человек пятнадцать десантников, не меньше.

– Влипли, – без всяких эмоций сказал Флакк. – Надо поворачивать.

– Корыто перегружено, – отозвался Павел. – Не оторваться.

Если бы сканеры работали, они бы в автоматическом режиме передали на базу изображение, и можно было бы рассчитывать на помощь. Но сейчас была надежда только на себя.

– Нас прикончат, – пробормотал Каплун. Его вдруг всего затрясло.

И тут со странным холмом впереди что-то произошло. Он оделся серебристой пеленой, задрожал пустынным маревом миража и исчез.

По зарослям хвощей пошла волна, сметая все на своем пути.

– Поворачивай! – заорал Павел. – Вектор перпендикулярно волне.

Аврелий вывернул руль до отказа. Появилась слабая надежда, что волна, поднятая стартовавшим кораблем, поднимет их и понесет, как лихого серфера, подальше от неров.

– Нас утопит! – запаниковал Каплун.

– Седлаем волну! – вопил Павел.

Машину опрокинуло на бок, борт скутера чиркнул по ржавой воде, срезал несколько кочек, в лицо Павлу брызнули ягоды клюквы и ошметки влажного мха. Он запоздало опустил щиток боевого шлема. Потом сумел ухватиться левой рукой за руль и помог Аврелию выровнять тяжелый скутер.

Все, не сговариваясь, оглянулись. Никакой волны не было. Она так и не дошла до открытого места. На границе поляны полоса древовидных хвощей не шелохнулась, и было теперь не понять, что же творится там, в зарослях, где еще недавно громоздился чудовищный корабль.

Неры, тоже изрядно переполошившиеся, теперь выравнивали свои машины. Гонки по волнам не состоялись.

– Держи ближе к зарослям! – приказал Павел Аврелию.

Опять тот слишком резко повернул скутер. Они едва не перевернулись. Но это их и спасло – столб воды и пара поднялся там, где только что был их неповоротливый драндулет, – неры сделали первый выстрел.

Взвыл, захлебываясь, перегруженный движок. Легионеров вдавило в кресла. У Серва откинулась голова. Он сипел, во рту у него булькало, будто парень решил прополоскать горло.

– Обычными снарядами бьют, лазерные экономят, – заметил Келл.

Новый столб воды поднялся перед самым носом скутера, машина брыкнула кормой, как норовистая лошадь, встала вертикально, легионеры посыпались в разные стороны. Флакк сделал в воздухе сальто и упал животом на мшистую кочку, головой плюхнулся в ржавую воду.

«Кажется, цел», – удивился патриций и приподнялся.

Серв плавал тут же рядом, лицом в воде. Камуфляж у него на спине вздулся пузырем. Несчастный любитель стряпни больше не шевелился. Рядом с головой Серва лопнуло несколько воздушных пузырьков. Душа-анима удалилась от тела. Чуть в стороне Келл сидел по пояс в воде и отфыркивался. Павел волочил за собой Каплуна. Тот нелепо бил по воде руками, будто учился плавать. Один из парней застрял в раздолбанном скутере. А вот Аврелий выбрался.

– К зарослям! – крикнул Павел своим.

Мертвого Серва оставили плавать в воде. Остальные, вздымая фонтаны воды, двинулись к частоколу рыжих хвощей. Но в этих хвощах не было надежды укрыться – заросли, слишком низкорослые и хрупкие, ломались под напором человеческих тел, обозначая дорогу, которой уходили беглецы. Да и можно ли было назвать это бегством? Легионеры брели по пояс в воде, ломая стебли. Вода была холодной. Далеко так не уйти.

Тяжелый скутер неров подошел ближе и стал бить по зарослям из лазерной пушки. Красные лучи вспарывали заросли, поджигая макушки хвощей, но огонь быстро гас – пропитанные влагой стволы не горели. Отставший от остальных Каплун вдруг повернулся и побежал в сторону. По нему сделали пару выстрелов, но тут же перевели огонь назад, на основную группу.

– Что будем делать? – спросил Аврелий. – Давайте рассредоточимся...

Павел снял шлем, ополоснул ржавой водой лицо, отшвырнул норовящую присосаться к шее пиявку.

– В атаку пойдем, – сказал так, будто это было дело решенное.

– В атаку? – изумился Флакк.

Павел ткнул пальцем в просвет в зарослях.

– Видите тот скутер, что подошел ближе всех. В нем четверо. Неры атаки не ожидают. Думают, обложили нас, как волков. А мы повернем назад, захватим машину и удерем к нашим. Хоть броненагрудники мы и оставили, но реактивные патроны на поясе есть у каждого. Хватит на один прыжок. Чертова кожа нас защитит.

– Нам задницы пожгут и ноги отрежут! – предрек Аврелий.

Однако никто больше не спорил. Предложение Павла выглядело авантюрой. Но авантюрой осуществимой.

Тяжелый скутер вновь прошелся лазерным лучом по зарослям. Шарил наугад. Пугал. Надеялся, что легионеры струсят и сдадутся. Только сдаваться в плен нерам никто не собирався. Все помнили изувеченную девчонку, которую освободил Флакк. Впрочем, с мужчинами, судя по рассказам тех, кому удалось вырваться, неры обращались не лучше.

– Итак, несемся вперед. По пути выстреливаем из подствольников по гранате. Бьем по дальнему легкому скутеру и «быку». Ближайший скутер захватываем. Флакк берет на себя пушку с легкого скутера, – кратко изложил план действий Павел.

– А что дальше? – спросил Флакк.

– Рукопашная.

Все трое ничего не ответили Павлу, лишь молча кивнули.

Они практически одновременно врубили реактивные патроны и ринулись назад, к нерам. Им повезло. Один из ботов застыл как раз на границе зарослей. Гранаты «быку» особого вреда не причинили, зато второй маленький скутер почти сразу же загорелся и плюхнулся на воду, зарывшись в заросли хвоща носом. Десантники-неры стали выпрыгивать из горящей машины. Все это Флакк видел краем глаза. Когда он включил патроны на поясе, реактивная тяга подняла его из воды и понесла к цели. Рядом мчался Келл. Аврелий – чуть позади. Замешкавшийся нер пытался развернуть пушку на корме и поразить несущихся на него легионеров, но не успел. Флакк выстрелил дважды и почти сразу же запрыгнул в скутер. Дальше пошла нелепая возня и тычки. Флакку удалось сбить шлем с головы одного из неров. Но он и сам потерял бронешлем. Нер ухватил его за руку с зажатым в пальцах бластером, он тоже вцепился против-

нику в руку. Силы оказались равны. В крошечном пространстве скутера было не развернуться. Флакк ничего не придумал умнее, как вцепиться зубами в нос противнику. Тот завизжал и разжал пальцы. Флакк повернул кисть и сумел выстрелить в ногу неру. Тот стал заваливаться на бок. И тут Флакк ощутил у виска горячий ствол чужого бластера.

Он рванулся и упал в воду. Здесь было мелко, и он погрузился в холодную жижу по грудь. Обернулся. Увидел, как нер поднял руку, прицеливаясь. Флакк зажмурился. Но ничего не почувствовал. Значит, мгновенная смерть... Но почему так холодно... вода вокруг, крики... Он открыл глаза. Камуфляж на груди дымился. Но боли ожога он не чувствовал. Чертова кожа выдержала. Или это зеркало? Тот осколок разбитого зеркала в кармашке?

Атакованный скутер тем временем медленно дрейфовал к зарослям. Флакк хотел кинуться следом, но лишь слабо плеснул руками по воде. Все вокруг было красным – небо, заросли и вода... Над хвощами вспух алый шар взрыва. «Это кровь. Кровь заливает глаза», – сообразил он наконец. Значит, все же первый выстрел его задел. Он ощутил, как колыхнулась вокруг него вода. И его накрыло с головой. А сверху пронесся огненный смерч, освещающая болото до самого нутра.

Голова раскалывалась от боли, глаз нестерпимо жгло. Казалось, в глазницу кто-то засунул термопатрон и поджег.

«Наверное, от этой болотной воды», – подумал Флакк.

Он огляделся. Где же все? Неужели погибли? Келл, Аврелий, Павел, все...

Неров поблизости тоже не было видно. Даже «бык» исчез. Остались только два разбитых бота. И все же Флакк не мог избавиться от ощущения, что кто-то за ним наблюдает из зарослей. Но напрасно он смывал кровь с лица и пытался разглядеть уцелевшим глазом таинственного наблюдателя – вокруг были только вода, хвощи и искореженные кораблики неров.

Что же делать? Если на карте по-прежнему нет никаких сигналов, помощь не придет. Надо двигаться к своим. Назад. На базу. Флакк дотащился до ближайшего островка сухой земли. Сухая она была относительно. Но твердой – вроде бы. Здесь Флакк вытащил из нагрудного кармана пузырек с герметиком и облил висок и глазницу. Потом включил тревожный сигнал на комбраслете. Но он и сам понимал – бесполезняк все это. База их не слышит по той же самой причине, по какой спутник не видел их скутер и машины неров. А что за причина такая – неизвестно. Ладно, пусть технари разбираются. Флакк пока только легионер.

И тут он увидел на соседней кочке Келла. Странно... за миг до этого Флакку казалось, что там никого не было. Хотя поручиться он точно не мог. Келл лежал на спине, глядя в небо и время от времени моргая. Рядом на воде детским корабликом плавал гермошлем. Флакк спустился в воду и добрался до Келла. Тот повернул голову. Взгляд его не мог сосредоточиться на лице Флакка, как будто Келл что-то спешно пытался отыскать, но никак не мог.

– Больно... очень больно... – прошептал Келл.

Флакк отыскал в нагрудном кармашке камуфляжа инъектор, всадил в шею Келлу – повыше чертовой кожи.

– Пить хочешь? – Флакк отстегнул от пояса флягу с чистой водой.

– Хочу...

Флакк вылил в рот Келлу немного воды – но тот проглотить не мог, вода полилась обратно сквозь сомкнутые губы.

– Тебе лучше? – задал глупый вопрос Флакк.

– Лучше... – бесцветным голосом отозвался Келл.

Это было его последнее слово и последний вздох.

Флакк обшарил соседние кочки и воду – нашел всех своих, и все они были мертвы. Флакк стащил тела в одно место и, оставив их в мелкой воде, накидал сверху стебли хвощей. И ушел.

Надо было возвращаться на базу.

Насколько Флакк помнил карту, их скутер успел отойти от капища километров на пятнадцать, не больше. Спору нет, по болоту быстро не побегаешь. Но если взять немного на запад, можно выбраться на твердую почву.

Флакк надеялся, что стычка с нерами оказалась случайностью, и перемирие еще действует.

Он вновь отстегнул от пояса флягу, сделал глоток, завинтил крышку, повесил флягу обратно на пояс и соскользнул в болотную воду.

Когда он вернулся с подмогой, начинало смеркаться. Свой тайник с мертвецами он отыскал без труда. Хвощи лежали, как прежде, в воде и на кочках. Но тел под ними не было.

Книга I

«Летучий голландец»

Глава 1

Бал у консула

Ежегодный бал в честь основания Нового Рима на планете Лаций давался во дворце консула 21 апреля по местному календарю, в день основания Рима на Старой Земле. Хотя, если свериться с Новыми Анналами, то на самом деле колония на Лации была основана вовсе не в апреле, и даже не весной, а осенью, когда капитан звездолета «Геродот» понял, что стартовать разбитому кораблю не удастся, и уцелевший экипаж обречен зимовать на планете и ждать помощи от только что основанной колонии на Неронии (тогда ее просто именовали Прима, а Лаций назывался Второй колонией Земли). Благословенные времена, когда еще не было соперничества и вражды, все мечтали о единой Земной федерации, взаимовыручке и Великом содружестве. Никто не думал, что мечты так скоро превратятся в дым в смысле самом прямом.

Что соответствовало действительности, так это то, что первое поселение Лация основали на месте нынешней столицы, на холме, который потом нарекли Палатинским. Несколько сборных домиков окружили импровизированной стеной, в пещере поблизости устроили склад и убежище на всякий непредвиденный случай. Из жизненных форм на планете обнаружили только бактерии. Но, учитывая давление атмосферы, силу тяжести, среднегодовую температуру, наличие магнитного поля и огромного океана, планета казалась очень перспективной. Питаясь пищевыми таблетками, строили планы терраформирования и втихаря завидовали колонии Прима, которой достался мир с кислородной атмосферой, с роскошной флорой и безобидной фауной.

Но вряд ли кто-нибудь из гостей консула, поднимаясь по голубоватым мраморным ступеням дворцовой лестницы, вспоминал историю освоения планеты. Куда важнее было верить, что они – истинные римляне, и Город их ни в чем не уступает подлинному Риму на Старой Земле в период его давнего расцвета. Здесь тоже мрамор повсюду, медные решетки, колонны дорические и коринфские, позолота, подкрашенные киноварью фронтоны, золоченая черепица на крышах, кипарисы и пинии (земные саженцы отлично себя чувствовали на Лации).

В этот вечер представители всех патрицианских родов Лация съезжались во дворец на Палатине. На торжественное шествие по мраморным ступеням к сияющему золотом дворцу собирались поглядеть тысячи зевак. Любопытные приезжали даже с других планет-колоний, и за сутки, а то и двое, занимали места на боковых лестницах. Устроители празднеств специально раскатывали здесь ковровые дорожки с воздушной подкладкой, чтобы зеваки могли с удобствами дожидаться начала шествия.

Апрельский день выдался на редкость жарким, так что наверняка вечером дамы появятся без накидок и шалей, в открытых вечерних платьях, а мужчины наденут легкие мундиры, в тогах придут лишь старики, потому как вслед за пиршеством во дворце начнутся танцы. Когда стемнеет, начнется традиционный салют, будут палить с кораблей на Тибре, эскадра во главе с белоснежным красавцем-крейсером уже встала на рейде напротив Палатина. Так что лучше всего смотреть на фейерверки со ступеней дворцовой лестницы.

Пока гости еще не появились, зеваки занимались тем, что обсуждали предстоящее празднество.

– Я хочу поглядеть на Валерию. Она душка! Слышала ее речь в сенате насчет привилегий? «Лаций требует перемен!» Один из консулов должен быть плебеем! Вот это да! Пора! –

рассуждала сидящая у самой балюстрады девушка в светлых шортах и красном топики. – Орк! Бывает же, что так человеку везет: брат уступил ей место в сенате, сама красавица, муж обалденный. Эх, Белка, почему мы с тобой такие непружистые!

– Мне везет, – ответила Белка, девушка лет двадцати трех, прозванная так за свои волосы – у основания пепельные, а по концам рыжие. – Надо просто самой ковать свою судьбу. Как Валерия. Ее хотели выдать за этого уродца Фабия. А она устроила тому ссылку на Петру и выскочила за красавца Друза. Вот и бери с нее пример, Аглая. Действуй как она.

– Ты бы так смогла?

– Я – нет. Потому сижу здесь за загородкой и глазею на патрициев, а не наоборот.

– Орк! Было бы забавно, если бы они глазели на нас! – нарочито громко расхохоталась Аглая.

– Смотрите! Смотрите! Приехало первое авто! – закричал рядом с ними парнишка в широкополой соломенной шляпе.

В этот вечер (опять же по традиции) приглашенные во дворец прибывали в наземных авто, оставляя флайеры на стоянке у подножия холма.

Первым из машины вышел мужчина лет сорока с суровым загорелым лицом, не слишком высокий, но крепко сбитый, в белом мундире с двумя пурпурными полосами по борту. За ним появилась женщина, на вид лет тридцати, но на самом деле наверняка старше, стройная, с тонкими чертами лица, в черном платье, складки которого переливались, становясь то серебристыми, то золотыми.

– Ах, мне бы такое платье! – простонала Аглая.

– Это легат Флакк с женой Илоной, – прокомментировала Белка, наводя на идущих взгляд справочника-идентификатора.

– Легат! Он уже легат, а не военный трибун! – Аглая всплеснула руками. – Ну почему я не там, на лестнице, вместе с ним!

– Он же стар. Сколько ему? Сорок? Или больше?

– Ерунда! Мне всегда нравились Флакки. На них как будто оттиснуто тавро: «Сделано в Риме!» Брутальность-напор-смелость!

– Если тебе так нравятся Флакки, выйди замуж за его дядюшку-сенатора! Вон он шествует вместе с братом! Не теряйся!

Вслед за легатом с супругой по лестнице поднимались два старика в умело задрапированных тогах. Один в простой белой, другой в сенаторской – с широкой пурпурной полосой. Внешне старики были очень похожи, практически на одно лицо, обоим было уже хорошо за семьдесят, но держались они бодро. Тот, что явился в простой белой тоге, когда-то командовал линкором «Сципион Африканский» в чине легата, но, выйдя в отставку, больше никогда не надевал мундир, хотя имел на это право. Его брат воевал очень давно, в молодости (тогда случилась очередная война с Колесницей Фаэтона), потом как старший в роду Валериев Флакков занял место в сенате. С тех пор он изрядно поднаторел в словесных битвах.

– Сенатор Флакк недавно овдовел, – сообщила Белка, которая была в курсе всех великосветских новостей. – И хотя в таком возрасте патрициям жениться не положено, все равно ты можешь попробовать его окрутить. Как говорит твоя обожаемая Валерия, «Лаций требует перемен».

– Ты что, с ума сошла? – прошипела Аглая. – Он же стар, как Галактика! И к тому же патриций! Представляешь, что унаследуют мои дети вместе с его генетической памятью.

– Да они все тут патриции, – напомнила Белка.

– Нет, нет, не все, плебеи тоже есть, вон идет префект Норика! – вмешался в их разговор парень в широкополой шляпе. – Технополис Норик – плебейская вотчина. Аве Норик! Ур-ра!

– Аве! Аве! – прокатилось по ступеням.

– Префект Корвин с супругой! – объявил тем временем глашатай, когда подъехало очередное авто.

Молодой человек невысокого роста, в белом мундире с пурпурным воротником и широкой полосой на груди шел под руку с черноволосой девушкой в роскошном платье покроя более чем смелого – руки, шея брюнетки и практически вся спина оставались открытыми.

– Корвин привез жену с Петры и добился для нее лацийского гражданства, – сообщила Белка, заглядывая в раскрывшееся перед ней окно справочника.

– Она не с Петры, а с Колесницы Фаэтона, – уточнил всезнающий сосед. – Обычно колесничим не дают римское гражданство, а ей дали. Просто она жила на Петре какое-то время.

– И ничего в ней особенного, – фыркнула Аглая.

– Корвин не хотел жениться на девушке с Лация. Ведь он знает все их тайны! – Белка внимательно оглядела молодого человека с невыразительным загорелым лицом и темными не слишком коротко остриженными волосами. – Как-то он странно держит голову, как будто боится ее уронить.

Как и полагалось по протоколу, префект Корвин остановился на первой площадке и поднял руку. В этот момент любой мог прислать ему сообщение на комбраслет – доступ был открыт.

– Написала, что его люблю! – сообщила Белка.

– Кого? Корвина? Зачем? – не поняла Аглая.

– Просто так. Думаю, ему мало кто подобное пишет, не то что твоему обожаемому Друзу. Вот я и написала. Любому патрицию это приятно.

Почти сразу вслед за префектом Корвином прибыла его сестра сенатор Валерия в сопровождении мужа.

Едва они появились на лестнице, как толпа разразилась приветственными воплями. Валерия, смуглая, темноволосая красавица, которая и после естественных родов сохранила практически идеальную фигуру, выбрала для этого вечера платье из серебристого шелка. В глубине складок ткань отливала розовым. На первый взгляд платье казалось очень простым – прямой силуэт, открытые плечи, треугольное декольте. Но мастер собрал складки с плеч и бедер на животе и скрепил ткань крупной брошью из платины с бриллиантами и сапфирами, превратив простой фасон в изысканный.

Ее муж префект боевой станции Ливий Друз был в черно-синей форме префекта фабрума, то есть инженерных войск, если от римских терминов перейти к общепринятым. Эти двое могли служить прекрасными прототипами для компьютерного виджа. Они как-то удивительно дополняли друг друга: у Лери были смуглая кожа, черные волосы и янтарные глаза львицы. У ее мужа, напротив, кожа матово-бледная, почти не тронутая загаром, каштановые кудри слегка золотились в лучах подсветки, высокий лоб, нос с горбинкой и упрямый подбородок делали его лицо прекрасным образцом для медалей. Когда пара остановилась на площадке и Друз поднял руку, приветствуя зрителей, в воздухе расцвели золотые и алые фейерверки, они лопались и осыпали патрициев иллюзорными малиновыми сердечками и такими же иллюзорными алыми розами. Впрочем, Валерия и Друз в самом деле были в этот момент героями виджа – с прибытия первого гостя церемония на Палатинском холме транслировалась незамедлительно в Галанет, и каждый зритель без труда мог встроить себя в происходящее – оказаться не за мраморной балюстрадой в толпе, а на лестнице, рядом с сенатором Валерией или легатом Флакком.

Белка не удержалась, послала Друзу целое облачко алых сердец.

– А для меня хотя бы одно? Неужели ничего не осталось? – раздался рядом насмешливый голос.

Белка отшатнулась – так неслышно подошел к ней патриций в белом мундире опциона. Внешность его была привлекательной и отталкивающей одновременно. Что в этом лице было

подлинным, а что сотворено умелым пластическим дизайнером, сразу и не скажешь. Пожалуй, зеленые глаза с вертикальными зрачками были точно поддельными.

– Для вас – самое большое, – не растерялась Белка. – Только оно черного цвета. Устроит?

– Черное сердце? Ну нет! Пошлите его послу Неронии – эти гедонисты обожают черный цвет. Что касается меня, то я прибыл без дамы. Не соизволите пойти со мной на праздник? – спросил патриций.

Белка хотела навести на него идентификатор справочника, но патриций перехватил ее руку:

– Говорите «да» или «нет», пока не знаете, кто я. Владея всей информацией, невозможно принять решение. Только неосведомленность вынуждает нас действовать.

– Но у меня нет вечернего платья, – резонно заметила Белка.

– Это не проблема! Любезный! – обратился патриций к одному из служителей, что стоял у балюстрады, отделявшей центральную лестницу от боковой, где толпились любопытные, – принесите для дамы наряд из запасных.

Во дворце всегда держали сотни вечерних платьев – на случай, если кто-то из дам испортит свой наряд или просто захочет переодеться. Или на такой уже совершенно непредвиденный случай, как выбор спутницы из толпы.

Служитель взмахнул рукой, считывая с Белки встроенным в комбраслет сканером размеры, и скрылся в ближайшей двери, ведущей в подсобные помещения дворца.

– Белка! Ну ты и везучая! – простила Аглая.

Это была мечта любой девушки на лестнице – чтобы одинокий патриций выбрал ее и увел на бал в Палатинский дворец. Были красавицы, что каждый раз год за годом тщательно готовились к подобному повороту событий – тратили состояния на пластические коррекции, заказывали немыслимые платья, делали прически, чтобы превратить себя в неотразимых красоток. Но Белка! Ничем не приметная Белка с ее нелепыми серо-рыжими волосами! Кто бы мог подумать, что патриций выберет именно ее.

– Не стоит так переживать, моя милая! – улыбнулся неизвестный красавец Аглае. Улыбка у него была ехидная, злая. – Я все равно никогда ни на ком не женюсь. Это лишь приключение на один вечер. Даже не уверен, что оно закончится постелью.

– На постель и не рассчитывайте! – дерзко ответила Белка.

При этом Аглая зашипела на нее:

– Дура!

Тем временем служитель вернулся держа в руках платье из серого с оранжевым шифона и остроносые туфельки.

– Оно в цвет ваших волос и непременно подойдет, – он протянул платье Белке с поклоном.

Девушка сбросила майку и бриджи, оставшись в одном белье. Платье было простого покроя, и она надела его как обычную тунику.

– Поспешим, – сказал патриций, протягивая руку своей спутнице. – В буфете уже начали разливать вина. Стоит выпить по бокалу до обеда.

Когда Белка просунула руку под локоть своего спутника и уже сделала два или три шага по лестнице, ступая осторожно, как по воде, ибо каблуки новых туфелек были высоты необыкновенной, Аглая наконец догадалась навести идентификатор справочника, оставленного подругой, на экстравагантного патриция.

– Да это же Сулла! – ахнула она так громко, что Белка услышала.

– Зная мое имя, вы бы не согласились, не так ли? – спросил Луций Корнелий Сулла насмешливо.

– Напротив, меня всегда интересовали люди, подобные вам, – дерзко ответила Белка.

– Почему же? Можно узнать?

– Вы похожи на окраинные миры, которые я изучаю.

* * *

«Умный человек – это тот, кто умело использует чужие находки», – любили повторять на Лации.

Ну что ж, если следовать этому определению, то граждане Лация, несомненно, были умны. Они многое взяли из прошлого, но при этом изменили так, как их это устраивало. Как и в Древнем Риме, на Лации выбирали двух высших правителей – двух консулов. Как и в прошлом, один из них оставался дома (то есть на родной планете), а второй находился либо на одной из колоний, либо командовал флотом метрополии. Власть нельзя сосредотачивать в одних руках – этому принципу следовали неизменно. Правда, консулов выбирали не на год, как в Риме античном, а на пять стандартных лет. Но и масштабы Республики нынче были другими.

Консул Аппий Клавдий Цек встречал гостей в просторном атрии Палатинского дворца. Шестнадцать колонн черного мрамора с серебристыми прожилками, увенчанные золочеными капителями, поддерживали потолок. Прорезь наверху была имитированной – сейчас, поздним вечером, когда звезда Фидес уже опустилась за холмы за рекой, в прямоугольнике наверху сияло яркое голубое небо, и в атрий лился казавшийся естественным солнечный свет.

Аппию Клавдию было за пятьдесят. Он не проходил омоложения и выглядел на свой возраст, то есть человеком уже пожившим, почти старым. Одетый в пурпурную тогу, он, встречая гостей, каждого называл по имени и для каждого находил несколько приятных слов. Разумеется, в ухе у него находился электронный номенклатор, который подсказывал консулу нужные сведения. Впрочем, многих Аппий Клавдий знал и помнил без всяких подсказок. Но без номенклатора на подобных празднествах никак не обойтись – сотни приглашенных, и каждый (или почти каждый) с женой (супругом) или просто приятелем или подругой. Были среди гостей не только патриции, но и плебеи – из тех, кто занимал высокое положение, – префект Норика и префект космической разведки Герод Аттик прибыли одними из первых. Послы других колоний-реконструкций также присутствовали, к тому же с помощниками, а некоторые, как посол Неронии, – с многочисленной свитой.

Едва Валерия и ее муж отошли от консула, как рядом с ними очутился посол Неронии, граф Чеано. Высокий, худощавый, в черном, расшитом золотом мундире, в узких брюках и лакированных сапожках с символическими золотыми шпорами, он церемонно поклонился и поцеловал Валерии руку.

– Я могу с вами поговорить, сенатор Валерия? – поинтересовался граф Чеано.

– Это деловой разговор? – Лери капризно улыбнулась, давая понять, что в этот вечер говорить о делах ей совсем не хочется, она намерена отдыхать и веселиться напропалую.

– Вас это смущает? Я слышал, вы умеете сочетать дела и отдых, – улыбнулся Чеано.

– Надеюсь, разговор будет не слишком длинный.

– Я готов беседовать с вами хоть десять часов подряд, – попытался подольститься посол.

– Попробуйте уменьшить это время как минимум раз в сто, – посоветовала ему Валерия. – Тогда я вас выслушаю, и мы не опоздаем к столу. Консул этого терпеть не может.

– Попробую уложиться. Но хочу вас предупредить, что разговор конфиденциальный.

– И не подумаю оставлять с вами свою жену! – Друз, всегда недолголюбивавший неров, сделал шаг вперед, заслоняя жену.

– Я не настолько наивен, чтобы думать, будто жена не разболтает мужу любую тайну. Не собираюсь от вас ничего скрывать, совершенный муж. Мудрость патрициев поможет вам оценить, что делать с информацией, которую я сообщу. – Нер явно хотел задеть Друза: практически всем было известно, что Друз сделался патрицием благодаря браку с Лери. Но своей цели

он не достиг – потому что на самом деле Друз обладал генетической памятью от рождения, правда, незаконно. Но об этом знали только трое: он сам, его жена и ее брат Корвин.

Так что в ответ Друз лишь презрительно усмехнулся: нет ничего слаще тайного превосходства.

– Лучше выйдем из общего зала в боковую экседру, – предложил Друз. – Там пока мало народу.

– Так о чем же речь? – спросила Валерия, когда они остановились у фонтана.

– Всего несколько слов, – заверил посол Неронии. – Мы теперь не воюем, не так ли?

– Насколько я помню, да, – изобразила некоторое раздумье Валерия.

– Но раньше воевали. Например, двадцать пять лет назад.

– Да, было дело. Никак не могли поделить планету Фатум. Но, кажется, тот конфликт был исчерпан после того, как мы уступили протекторат над планетой третьему лицу? Или у нас все еще сохранились претензии друг к другу? Напомните мне, если так.

– Дело не в претензиях... – граф Чеано помедлил. – Видите ли, недавно мы обнаружили анимала, пропавшего двадцать пять лет назад во время небезызвестного конфликта. И вот спустя столько лет он объявился в секторе Неронии, выпрыгнул из гиперпространства возле одной из наших баз. Живой корабль находился в стадии агонии. Его буквально разорвало пополам. Но мозг корабля уцелел, посему часть информации сохранилась. Наши криминалисты точно установили, что анимал был атакован три года назад. И, судя по характеру ранений и уцелевшим записям, атакован вашими кораблями. Ему кое-как удалось залатать свои раны и удрать. Но крайнее истощение не позволило несчастный корабль спасти. Император хочет направить ноту Лацию.

– Вы меня предупреждаете? Не могу сказать, что не оценила вашу любезность, но мне кажется, тут нужны разъяснения.

– Я попросил императора пока не предпринимать никаких шагов. Хотя бы потому, что недавно именно благодаря Лацию мы сумели предотвратить вторжение Колесницы Фаэтона в наш сектор. Я надеюсь (хотелось бы сказать «я уверен», но пока не могу), что Лаций не причастен к исчезновению анимала. Вы попросту не могли держать его столько лет на одной из своих баз незаметно. А вот попытаться уничтожить при встрече три года назад очень даже могли. Но только зачем?

– Почему вы завели этот разговор?

– Думаю, вам интересно будет это услышать, – граф Чеано поклонился. – До того, как Нерония направит вам ноту. Быть может, вы воспользуетесь моей информацией.

– Надеетесь, что мы сообщим вам что-то интересное в ответ? – спросил Друз без обиняков.

– Разве вам нечего сказать?

Друз запнулся и сказал:

– Нет.

Он никогда не умел врать.

Чеано еще раз поклонился и отошел.

– У нас случилось что-то подобное? – спросила Валерия. – Мы тоже что-нибудь нашли из того, что потеряли? Просто так этот черный лис не стал бы заводить разговор. Особенно в твоём присутствии.

– Думаю, этот парень отлично информирован.

– Зачем он все это сказал? Зачем? Зачем? – Лери не понимала сути происходящего и в раздражении притоптывала ножкой. – У меня есть только одно объяснение, совершенно безумное: этот человек в самом деле хотел нас предупредить.

– Лери, может быть, отложим этот разговор и вернемся в главный зал?

– Я хочу знать, на что намекал Чеано. Будь краток, и мы не опоздаем на обед.

– Мы нашли лацийский катер с мертвым пилотом. Этот катер тоже пропал двадцать пять лет назад, как и анимал Неронии. Герод Аттик потребовал засекретить объект, пока мы не выясним все обстоятельства.

– Я уверена, граф Чеано знает о находке, несмотря на все усилия нашей дерьмовой космической разведки. Иначе он не толковал бы про агонизирующего анимала, вместо того чтобы пить аперитив.

– К тому же видео этой агонии есть в Галанете. От неронийских галанетчиков трудно что-нибудь скрыть. Он выдал нам с таинственным видом открытую информацию.

– Надеюсь, репортеров сейчас нет во дворце.

– Не уверен. Хотя с ними пытаются бороться, но так же безуспешно, как и с жучками.

– Тогда прекратим разговор. Все равно нам не удастся выяснить, что черному лису от нас было нужно.

Лери взяла мужа под руку, и они направились в столовую.

* * *

– Давай поднимемся на обзорную площадку, – предложила Верджи, когда они с Корвином очутились в атриум дворца. – Я хочу посмотреть на Город с высоты.

– Это лучше делать с Капитолийского холма, – заметил Марк. – Но и с Палатина открывается прекрасный вид.

Они прошли в лифт. Кабина с зеркальными стеклами медленно повлекла молодых супругов наверх. Пока лифт поднимается или опускается, можно поцеловаться. На большее не хватает времени. Верджи и Корвин поцеловались.

Марк давно заметил, что, оказавшись в шумной компании или на официальном приеме, Верджи непременно пытается где-то укрыться. Уроженка Колесницы, не просто плебейка, но еще и беглянка с другой планеты, вышедшая замуж за патриция Лация, она была на этом празднике чужачкой вдвойне. Марк и его близкие – вот все, кого Верджи здесь знала. Ее родина Колесница столетиями была заклятым врагом Лация. Случалось, эти два мира заключали перемирие, но никогда не становились союзниками. Находиться среди патрициев, каждый из которых помнил десятки, а то и сотни сражений с ее родиной, было для Верджи невыносимо. Иногда ей казалось, что именно уникальная память патрициев раз за разом раздувает уже начинающее гаснуть пламя вражды, ибо ни забывать, ни прощать патриции не умеют.

Из лифта они вышли на открытую террасу, обращенную к форуму. Звезда Фидес уже зашла, но подсветку еще не включили. На несколько минут расположенный в низине форум погрузился во тьму, лишь ярко горела золотом все еще освещенная черепица на крышах храмов на Капитолии.

Верджи облокотилась на балюстраду и несколько минут любовалась Городом.

– Говорят, на подлинном форуме одни лишь обломки, – сказал Верджи. – Не боишься, что Новый Рим через годы превратится в уродливое кладбище прежней мощи?

– Не исключено. Но очень бы не хотелось до этого дожить, – Корвин хотел превратить ее слова в шутку, но не сумел.

Странно, но в последние три дня он испытывал смутное беспокойство – предчувствие беды не отпускало его и с каждым часом все усиливалось.

В этот миг внизу вспыхнула подсветка, одела призрачным голубым плетением колонны и скульптуры, высветила портики базилик и храмов.

Верджи наклонилась еще ниже, будто хотела соскользнуть, слететь вниз, на озаренный голубыми огнями форум. Корвин невольно ухватил ее за руку.

– У нас в усадьбе была высокая башня. Я любила забираться и смотреть на окрестные поля внизу. Ровные квадраты, всегда распаханные в шахматном порядке.

«Почему не параллельно?» – спрашивала я. «В этом есть смысл, надо предотвратить эрозию почвы», – мне говорили. Но мне всегда хотелось, чтобы поля были расчерчены параллельно. По единому замыслу... Опять смысл... Вот дурацкое слово! Всегда ли в наших поступках есть смысл? Или мы просто не знаем причин? В чем причина, что одни любят Рим, а другие бредят Наполеоном? Ведь все мы родом с Земли. Ты видел Новый Париж с высоты?

– Да, конечно. Но только не я, а мой дед-дипломат. Однако я помню...

– Неважно, – перебила его Верджи, она все время его перебивала. – Мы... то есть колесничие построили Эйфелеву башню в два раза выше, чем на Старой Земле. Новый Париж грандиозен. Ваш Рим... то есть Новый Рим кажется после Парижа провинциальным. На Лации слишком точно следуют принятой реконструкции. Как будто, возродив форум или Большой цирк, вы на самом деле превратитесь в римлян.

– Ну... и что ты хочешь мне сказать? – спросил Корвин с улыбкой.

– Я же говорю. Ты не слушаешь?

– Это – вступление. Ты попросила сюда подняться, чтобы поговорить о важном. Тайна, которую нельзя поведать дома, – Марк улыбнулся. Верджи обожала действовать ничего не объясняя, просто вела за собой. А потом могла огорошить каким-нибудь сомнительным сюрпризом. Она все время делала ему подарки, сюрпризы, целая кладовка в их доме была завалена ненужными вещами.

– Там, среди приглашенных, посол Колесницы Фаэтона! – В голосе Верджи послышалась тревога. Нет, не тревога – страх.

– Ну конечно! Послы других систем всегда присутствуют на этом приеме. Извини, забыл предупредить.

– Я встречалась с ним два дня назад.

– Что?! – Корвин невольно стиснул ее запястье. – Зачем?

– Он сам попросил о встрече. Мы виделись на представлении в Большом цирке. Он сказал... – Верджи набрала побольше воздуха в легкие и выдохнула: – Он предложил мне подать прошение на имя императора Колесницы. Написать просьбу о помиловании и просить разрешения вернуться.

– Граф Гарве просил тебя вернуться?

– Нет! Он как раз не просил, а говорил так, будто я его об этом умоляла, а он, так и быть, снизошел к моей просьбе. Представляешь какой бред! И зачем мне это нужно?! А? – Она задрожала – то ли от холода, то ли от клокотавшей внутри ярости.

– Ни за чем! – Корвин обнял ее за плечи. – Вопрос – что нужно ему.

– Меня приговорили к смерти на Колеснице за измену. А теперь посол обещает помилование и смягченный приговор. Десять лет каторги! Представляешь какая милость! Я чуть не прослезилась от умиления! – Верджи ненатурально расхохоталась. Смех вперемешку с дрожью.

Корвин даже не улыбнулся. Напротив, на лице его появилось сосредоточенное выражение, как будто он к чему-то прислушивался. К голосу, слышному только ему. Наконец Марк слегка кивнул, будто соглашался с невидимым собеседником, и спросил:

– Что еще сказал посол?

– Дословно? – Верджи задрала подбородок и произнесла, передразнивая манеру посла Колесницы Фаэтона: – «Так будет лучше для вас!» Что это значит? Они мне угрожают?

– Пустое. Колесница не может достать ни тебя, ни меня на Лации, разве что прикажет меня убить, а киллером назначит тебя. Надеюсь, ты не собираешься этого делать? Или собираешься? – Марк театрально нахмурил брови.

– Марк! Марк! Что ты такое говоришь! – Она обняла его, но почти сразу отстранилась. – Я их ненавижу! Ты даже не представляешь, как умеют колесничие шантажировать, как обожают приказывать, как любят давить на тех, кто слаб, чтобы вконец унижить и заставить... Она

вытянула руку и сжала кулак так, что костяшки пальцев побелели. Похоже, ей было совсем не до шуток.

– Я двенадцать лет провел на Колеснице, – напомнил Марк. – Посол еще что-нибудь сказал?

– Ничего.

– Вот как?

– Ну, я в лицо ему выпалила, что он идиот! Ты не представляешь, с каким удовольствием я это сделала!

Корвин на минуту задумался.

– Гарве совсем не идиот, Верджи. И этот разговор затеян не просто так. Ты должна подойти к послу здесь, на празднике...

– Ни за что!

– Ты должна подойти к послу, – мягко повторил Корвин, – и сказать: «Я согласна подать прошение. Но как долго будут его рассматривать? Я бы хотела прежде родить ребенка для моего мужа и после этого вернуться на Колесницу».

– Марк! Зачем это? Я же не собираюсь возвращаться. Десять лет каторги вместо любимого мужа и жизни на прекрасной планете... Или ты решил меня выдать? Ну, тогда я тебя точно убью! – Угроза в ее голосе прозвучала совсем нешуточная. Она с силой стиснула ему руку.

– Верджи, прекрати! Как ты не понимаешь: мне нужно знать, что он ответит.

– А... – задумчиво протянула Верджи и хитро прищурилась. – А потом я могу сказать ему какую-нибудь гадость?

– Лучше этого не делать.

– Но я все равно скажу.

* * *

– Говорят, на Неронии пиршества бывают совершенно безумные, – вздохнула Белка, осматривая длинный стол.

Белый с золотом фарфор, хрусталь и серебряная посуда. Роскошь, но роскошь отнюдь не чрезмерная, скорее сдержанная. Белка была даже чуточку разочарована, если честно.

– Безумства оставим колониям – пусть они пытаются обрести новое, ибо не помнят прошлого, – Сулла коснулся руки своей спутницы. – Лаций же ищет наслаждения в многократных повторениях, когда каждый следующий пир похож на предыдущий, но непременно чуть-чуть отличается. Наслаждение в повторении однажды найденного совершенства. Все дело в нюансах. Выпачивать богатство аристократам ни к чему. Нам достаточно сознания, что мы повелеваем мирами.

– Я была на пирушке коллегии историков два месяца назад. Там стол был не меньшей длины. И посуда почти такая же, как здесь, – фарфор с золотом и серебряные приборы... – Белка сделала паузу. – И их речи походили на твои.

– Уверен, и блюда подавали почти такие же, какие мы попробуем сегодня, – улыбнулся Сулла. – Моя бабка была историком. Это ее слова. Мне лично всегда хотелось сказать по поводу нашего прошлого совсем другие слова. Но против генетической памяти не поправишь.

– А как же сенатор Валерия? Она все время говорит о переменах.

– Валерии Корвины хранят в памяти лишь историю чужих преступлений. Невольно захочется чего-нибудь новенького.

– А вы? Что еще вы храните в памяти?

– Я должен представиться наконец, не так ли? – Он сделал вид, что позабыл про выкрик Аглаи. И еще сделал вид, что не услышал последнего вопроса Белки. – Луций Корнелий Сулла.

Патриций, который поклялся, что его генетическая память не достанется никому. Вы обо мне наверняка слышали.

– Я тоже должна представиться. Дебора Кальв. Вы обо мне ничего не знаете.

– Кальв... Ваш отец писал сценарии виджей, так ведь?

– Ого, вы таки вспомнили. Неужели? Среди тысяч сценаристов запомнить одного...

– А вы сами? Чем занимаетесь? – Похоже, патрицию не улыбалось обсуждать весь вечер достоинства Кальвовых творений.

– Я – только что закончила университет, специальность – окраинные миры, – похвасталась Белка. – Должна выбрать, куда отправиться на практику. Есть десятки планет, которые влечат жалкое существование, где люди в среднем живут не больше тридцати, а мы просто не вспоминаем о них...

– У окраин есть одно преимущество, которое мы утратили навсегда.

– Какое?

– Открытая граница. Им есть куда двигаться.

Сулла слушал свою избранницу и одновременно наблюдал за консулом. Прежде чем войти в зал, Аппий Клавдий остановился в дверях и перемолвился несколькими словами с Корвином и его супругой. Со стороны могло показаться, что префект по особо важным делам представляет консулу свою жену. Но Сулла знал, что Корвин представил Верджи консулу еще в самом начале праздника. Теперь же префект что-то сказал консулу и направился к своему месту, ведя под руку Верджи. Сидеть Корвин должен был напротив своего подчиненного опциона Суллы. Консул тоже направился к столу. И вид у него был, мягко говоря, встревоженный.

– Двигаться стоит лишь в двух направлениях – к столу или к постели. – Сулла усадил свою даму и занял место сам. При этом Дебора оказалась напротив Верджи.

«Жене Корвина так же точно неловко здесь находиться, как и мне, мы – окраинные миры этого праздника», – подумала Белка и улыбнулась жене префекта.

Верджи улыбнулась в ответ. Достаточно надменно.

«Э, нет, между нами еще рано ставить знак равенства», – хмыкнула про себя Белка.

Консул, заняв место во главе стола, поднял традиционный тост:

– За Вечный город!

В ответ грянуло:

– За Лаций!

Сулла перегнулся через стол и чокнулся с начальником. При этом их комбраслеты соединились на миг, и вся нужная информация перетекла в браслет Суллы.

– Три месяца, – сказал Корвин.

Обед длился почти два часа.

* * *

– Тебе не скучно? – поинтересовался Сулла у легата Флакка, кивая в сторону чинно разбившихся на группы стариков. Аристократы помоложе направились в игровые залы. Немногочисленные юнцы скучали, ожидая танцев и салюта. – Как я понимаю, в твоей памяти, как и в моей, застряла как минимум сотня подобных вечеринок. Один и тот же зал, одни и те же наряды. Даже разговоры, похожие друг на друга.

– Женщины разные, – не очень уверенно заметил Флакк.

– Женщины! Неужели патриция можно чем-то удивить в этом плане? Послушай, есть предложение. Поскольку мы уже отобедали, произнесли тосты и выслушали все, что надо выслушать, и то, что слушать ни под каким видом не стоит, теперь можно с чистой совестью сбежать в какое-нибудь укромное местечко и там повеселиться.

– Сулла, ты не женат. А я приглашен на этот праздник с супругой! – напомнил Флакк. – Сам посуди, сбегать с женой – не слишком интересное занятие.

– Прихвати какую-нибудь девчонку у входа. Как я. Тебе пора встряхнуться. Ты же космический легионер!

– Легат космических легионеров.

– Тем более тебе стоит взбодриться. Мы, патриции, рождаемся стариками, зато к старости становимся молодыми. Я молодею с каждым днем. А ты?

– Допустим... – Флакк заколебался. – Допустим, я это сделаю. Куда мы можем отправиться? В ближайший бар? В ночной клуб? Смешно. За нами тут же увяжется толпа галанетчиков и начнет передавать в виртуалку отчет о наших похождениях. Как мы пьем, целуемся, посещаем вомиториум и там блюем... разве можно устраивать вакханалии под прицелом десятка вирт-камер?

– Мы могли бы отправиться на Острова Блаженных, – задумчиво проговорил Сулла. – Прекрасная планета, и никто ни за кем не следит.

– Я планирую сбежать с пирушки, но не от жены. Или ты хочешь, чтобы я развелся?

– О нет, я отношусь с почтением к узам брака. Чужим. Посему предаюсь Венериным удовольствиям только с незамужними плебейками. Правда, потом выяснялось пару раз, что это были как раз замужние патрицианки. Но это, как говорится, дело их генетической памяти.

Сулла обвел глазами зал, прикидывая, что бы можно было такое устроить. И тут взгляд его остановился на Друзе. Префект инженерных войск, выпив несколько бокалов фалерна, был уже достаточно весел – он стоял в обнимку с двумя женщинами. Одной, правда, являлась его жена Лери, но вторую, стройную загорелую блондинку, Сулла видел впервые. Правда, она кого-то напоминала. Значит, патрицианка – их лица при встрече всегда кажутся знакомыми, если юнцы похожи на своих родителей, чьи лица навсегда засели в генетической памяти. Друз целовал в щеку то одну женщину, то другую и шептал по очереди каждой на ушко комплименты. Обе смеялись.

– Отлично! У нас есть одно укромное местечко! – Сулла похлопал легата по плечу. – Боевая станция префекта Друза.

– Боевая станция? – переспросил Флакк. – Никогда не слышал, чтобы вакханалии устраивали в подобном месте.

– Ну, во-первых, ее так и не поставили на боевое дежурство. Пока что это всего лишь огромный лайнер на орбите, нашпигованный сложнейшей техникой.

– С плазменными излучателями, способными поджарить вражеский флот.

– Орк! Я не собираюсь никого поджаривать. Но мысль, что это возможно, возбуждает, не находишь? Я слышал, на станции отличные каюты, лучшие ретрансляторы Галанета и удобная банька с гидромассажем. Берем ящик фалерна, корзину закуски и отправляемся. Только найди себе молоденькую и сговорчивую спутницу.

– Одна незадача: у нас нет ключика от входной двери.

– Он есть у Друза. Прихватим парня с собой.

– Сенатор Валерия ни за что не отпустит мужа одного.

Сулла покосился на смуглянку Лери. В этот момент красавица-сенатор смеялась над очередной шуткой мужа.

– А мы и не будем от нее скрываться. Она поедет с нами. Видел ли ты этикие огоньки у нее в глазах? Я почти уверен: она всю жизнь мечтала о чем-то подобном. Пусть Друз прихватит обеих красоток. Они устроят любовь втроем.

– Жена меня убьет.

– Флакк! Флакк! Твоя супруга – очаровательная женщина, но не для подобных увеселений. Соври ей, скажи, что тебя вызывают на учения. На боевую станцию. Ты скажешь ей правду. Почти.

– Корвина берем?

– Это еще зачем? Я не собираюсь веселиться под присмотром начальника. Итак, ты ищешь себе спутницу, я – уговариваю Друза и его дам, и мы отправляемся.

Сулла немедленно направился к префекту и его спутникам.

Флакк постоял с минуту, наблюдая, как дерзкий патриций подбивает префекта и женщин принять участие в аванюре. Флакк был готов побиться об заклад, что ни Друз, ни его жена, ни блондинка не устоят. Этот мерзавец мог бы совратить кого угодно, даже весталку.

На то, чтобы уговорить этих троих, понадобилось три минуты от силы. Во всяком случае, именно спустя три минуты Друз согласно кивнул и, повернувшись к Флакку, поднял руку с очередным бокалом.

Легат покачал головой, то ли сокрушаясь, то ли восхищаясь, и направился к своей жене – объяснять, почему должен немедленно покинуть прием у консула.

Вызов по комбраслету он сделал выйдя из дворца.

* * *

– Куда мы отправляемся? – спросила Белка, когда они с Суллой уже выбрались из толпы, по-прежнему окружавшей дворец плотным кольцом.

После теплого воздуха зала приемов девушке в легком платье показалось прохладно. И еще показалось, что людей стало больше. И немудрено: фейерверк должен был вот-вот начаться. На кораблях эскадры включили подсветку. В темном небе мелькали разноцветные голограммы. Там разыгрывали какой-то исторический сюжет, разумеется, древнеримский.

– На космодром. Мы покидаем планету. Головокружительное космическое путешествие – что может быть лучше! – воскликнул Сулла восторженно. Пожалуй, восторг был чуть-чуть фальшивый.

– Летим на Острова Блаженных?

– Нет, на боевую станцию Лация. В милой компании легата Флакка, красавца Друза, его жены и еще двух очаровательных женщин.

Белка растерялась. Возможно, Сулла планировал поразить ее размахом предстоящей авантюры. Но Белке мысль устроить свидание на боевой станции да еще в такой компании не показалась столь уж замечательной.

– Может быть, полетим туда в другой раз? А сейчас нам вполне подойдет какой-нибудь бар.

– Нет, для первого свидания подходит только боевая станция, милочка. Уверю тебя, ты не пожалеешь.

Белка потупилась. Приключение начинало выглядеть уж слишком головокружительно. Если честно, то девушка попросту струсил.

– Там хоть гравигенераторы работают? – проговорила она жалобно. – А то меня в невестомости тошнит.

– Гравигенераторы самые лучшие, – заверил ее Сулла. – Баня и гидромассаж. В иллюминаторе – звездное небо. Эту ночь ты запомнишь на всю жизнь. Гляди-ка, Флакк уже ждет нас возле своего флайера. Неужели он планирует отправиться на свиданку на семейной машине? Вот чудак!

Однако Флакк был не так наивен. Флайер принадлежал не легату, а темнокожей девушке лет двадцати в белой шелковой блузе и белых брюках. Девушка была стройной, но не казалась хрупкой. Сулла отметил отличную мускулатуру, высокий рост и отточенность движений. Наверняка девчонка либо уже служит легионером, либо учится в школе легионеров.

Ай да Флакк!

– Это Асти, – представил Флакк свою спутницу именем наверняка вымышленным.

– И что ты сказал своей супруге? – поинтересовался Сулла.

– Правду. Что я лечу на боевую станцию весело провести время, – засмеялся Флакк.

В этот момент из толпы наконец выбрались Друз и его спутницы. Валерия где-то раздобыла черную накидку с капюшоном, скрывающую ее великолепный наряд, а блондинка попросту избавилась от своего платья до полу и переделалась в серебристый обтягивающий тело комбинезон.

– Это Клио, – представил блондинку Друз.

– Орк! Так это... – начал было Флакк.

– Пожалуйста, без имен, – попросила Клио.

«Если она переделалась во дворце, значит, она там и живет», – сообразила Белка и изо всей силы вцепилась в локоть Суллы. Она, скромная дочь сценариста, была из другого мира. Правда, окончила университет с отличием. Но какое это имело значение для вечеринки?

Неожиданно патриций повернулся, обнял Белку за талию и впился губами в ее губы. Произошло это настолько неожиданно, что Белка в первый миг растерялась, а потом изо всей силы оттолкнула патриция. Несколько галанетчиков тут же принялись снимать эту сцену.

* * *

Легкий пассажирский планетолет, украшенный золотым римским орлом и пурпурной полосой, стартовал с консульской площадки космодрома и теперь приближался к новой боевой станции Лация.

Друз вел планетолет и острил напропалую, Флакк, сидевший рядом с ним, либо отмалчивался, либо вежливо улыбался.

Зато Сулла не испытывал и тени смущения. Он расположился сзади, в окружении женщин, и норовил то включить на кресле амортизаторы одной, то поправить изголовье другой, то показать данные искина третьей. Он был почтителен с Валерией, фамильярен с Белкой, игрив с Клио и всякий раз выказывал притворный испуг, обращаясь к Асти.

– Ты бы мог спокойно лететь на станцию один в окружении этих дам, – заметил Флакк. – Мы тебе не нужны. Балласт.

– Еще как нужны! – заверил его Сулла. – И не надо на меня злиться и ревновать. Обещаю, через час ты будешь мной восхищаться.

– Давайте облетим нашу красавицу, прежде чем причалить, – предложил Друз и, не дожидаясь ответа, направил планетолет вокруг станции. – Сделаем пару кругов вокруг моей ненаглядной. Хороша, правда?

Друз говорил о своем творении, как о женщине. Даже любимую жену он бы не стал так расхваливать. А тут буквально надувался от гордости, любуясь огромным шаром, ослепительно белым в лучах звезды Фидес, с тонкими щупальцами причалов и острыми иглами передатчиков дальней связи. Синие блики силовых полей призрачными шапками накрывали полюса станции.

Консоли плазменных пушек были убраны, так что станция выглядела почти безобидно.

– Как только люди построили такое! – прошептала Белка. – Это же божественная мощь! Друз, польщенный, расплылся в улыбке.

– Особенно если учесть, сколько денег из бюджета Лация на нее угрохано, – поддакнул Сулла.

– Могу вас заверить, деньги потрачены не зря, – принялся защищаться Друз. – Учтите, она не только отвечает за безопасность Лация, но и может заменить управляющую станцию Звездного экспресса. И если надо – заблокировать весь Звездный экспресс, – продолжал пятиминутку хвастовства Друз.

– Насколько я помню, по международному соглашению, ни одна из планет не имеет права блокировать Звездный экспресс, – картинно нахмурила брови Лери. – Или Лаций уже не соблюдает межпланетное право?

– Разумеется, ты говоришь верно, как всегда. Кто спорит! Блокировать не имеет права. Но нигде не оговорено, что нельзя подобную технологию разрабатывать. На крайний случай, – вывернулся Друз.

– Надеюсь, ни Нерония, ни Колесница Фаятона не пронюхают про твои разработки, – улыбнулась Лери.

– Это строго секретно, – поспешно заверил Друз.

– Послушайте, мы летим отдохнуть и веселиться, пошлем Орку в пасть все эти разговоры о политике! – воскликнула Клио.

– Это лучшая станция во всей Галактике, – не мог остановиться Друз. – Станции Колесницы устарели еще лет сорок назад, да и у неров попросту нет денег на модернизацию.

– У неров нет денег? – не поверила Лери. – Лучше скажи, они жмотничают.

– У Неронии три станции, – напомнил Флакк.

– Одна из них практически превращена в руины. Две другие не модернизировались уже лет двадцать. И все они завязаны на живые корабли Неронии. Моя же, – Друз выделил невольно местоимение «моя», – совершенно уникальна, ей не нужен флот поддержки.

– Совсем не нужен? – усомнился Флакк.

– Ну разве что... небольшой... для защиты от мелких истребителей-ос, если накроются силовые поля.

– Да, после того как силовые поля сожрут в три минуты весь запас энергии. Сейчас у тебя генераторы работают на холостом ходу и все равно сжирают немало энергии, – заметил Флакк.

– Я приказал включить их к нашему прибытию.

– Ага, то есть обычно ты их даже в холостом режиме не включаешь! – хмыкнул Флакк. – Не просветишь нас, сколько мегаватт-часов ты выкинул впустую за одну минуту?

– Хорошо, давай причалим, и ты покажешь нам станцию изнутри, – решила прекратить их пикировку Лери. – И ты сможешь выключить силовые поля. – Сенатор Валерия умела сочетать авантюризм с практичностью. – Мы все уже в восхищении.

– На главный причал, – отдал Друз приказ искину. Префект был явно обижен замечаниями гостей и не пытался этого скрыть.

Прозрачный обруч управления на лбу префекта изменил цвет. Легкий планетолет, повинаясь приказу, тут же направился к станции.

– Всего у нас двадцать стыковочных узлов, можем принять на главном причале даже крейсер, – рассказывал Друз, пока планетолет сближался со станцией. – Следящие системы могут просканировать корпус корабля и определить, есть ли внутри живые формы жизни, в том числе и люди, и какое оружие находится на борту.

– И что ты будешь делать, если обнаружишь на борту корабля оружие?

– Если это не наш боевой корабль, уничтожу... или помещу в силовой кокон. Как поместил найденный недавно катер. Орк!.. Я же...

– Болтун! – фыркнула Лери.

Планетолет скользнул в прорезь главного причала. Тут же опустились входные ворота, а к двери планетолета присосалась прозрачная кишка переходного шлюза.

– Легкие кораблики лучше не держать снаружи, у них нет силового поля и любой камешек или мусор... – Друз замолчал, сообразив, что подобные азы его спутникам и самим известны.

Давление уравнилось, и они перешли на пассажирскую палубу станции. Здесь их встретил помощник Друза, немолодой человек в черно-синей форме инженерных войск.

– Энний, никого не пускать в атрий и прилегающие каюты! – приказал Друз. – Ну, как вам моя станция? – повернулся префект к своим спутникам.

– Пока что я вижу только коридор, – заметила Лери. – Ничего особенного. Коридор как коридор.

Они миновали три шлюза. Громадные двери, украшенные головами Цербера, открываясь, превращались в шесть острых клыков. Изображения Цербера были помещены с двух сторон, так что, оборачиваясь, вновь прибывший видел за собой закрытые двери и три морды стража Аида с горящими глазами. Как будто человек пожаловал в Подземное царство, а не попал на небо. Наконец Друз и его друзья очутились в лифте. Зеркальные панели отражали нарядных и внезапно притихших гостей. Флакк отметил, что Друз страдает манией величия отнюдь не в легкой форме: кабина лифта была в точности скопирована с той, что поднимала гостей на смотровую площадку Палатинского дворца.

– Обратите внимание, на станции отличная гравитация, никаких колебаний поля, три независимых генератора, и сила тяжести равная лацийской, – продолжал свою экскурсию Друз.

Двери лифта открылись.

– А вот и наш атрий! – объявил с гордостью префект станции.

В самом деле, было чем гордиться! Просторное помещение, в которое выходили десятки дверей, украшали шесть изящных белых колонн под мрамор. Вверху – прямоугольное окно, имитирующее звездное небо. Под потолком висела голограммная карта сектора Лация. Вокруг зеркального стола буквой «П» стояли диваны, которые одним нажатием кнопки можно было переделать в широкие лежа. Здесь можно было провести вечер за чашей фалерна на древнеримский манер.

– Отличная станция, – подтвердил Флакк. – Надо полагать, отделка атрия стоила не меньше, чем все боевое оснащение.

– Цезарь велел богато украшать оружие своих солдат – дабы римляне не теряли в бою мечей и щитов, – напомнил Друз.

– Ах, ну да, конечно. Шикарный атрий – залог нашей боеспособности, такой обидно будет потерять, не так ли, префект, – Флакк рассмеялся. – Каюты такие же роскошные?

– Хочешь посмотреть?

– Пусть каюты оценят дамы, – отозвался Флакк, – я предпочитаю осматривать ионные и плазменные пушки.

Женщины тем временем уже распаковали коробки с едой и наполнили бокалы фалерном. Гости шушукались и поглядывали на мужчин. Сулла уселся на диван в обнимку с Белкой. Скванность первых минут прошла.

– Итак... – сказал Друз. – Выпьем за успех нашей экспедиции и за новую станцию!

Все осушили бокалы. Друз поцеловался сначала с женой, потом с Клио.

– А теперь, – перехватил инициативу Сулла, воспользовавшись паузой, – приступим к делу. Вакханалия на время отменяется.

– Ч-что? – Друз спешно оторвался от губ Клио. – А зачем же мы сюда завалились? Я... – Префект растерянно умолк, сообразив, что его самым бессовестным образом провели.

Флакк усмехнулся. Он с самого начала подозревал какой-то подвох. Но какой именно – догадаться не сумел.

– Наше отбытие и рассказы о предстоящей вакханалии – простенькая маскировка, – охотно объяснил Сулла. – Никто не должен знать, чем мы будем заниматься на станции.

– Что же ты нам приготовил? – язвительно спросил Друз, не скрывая разочарования.

Лери улыбнулась, налила в бокал воды и протянула мужу.

– Сейчас объясню, – охотно ответил Сулла. – Мы должны в срочном порядке определить, что за хрень обнаружил в космосе Друз и подвесил к одному из причалов станции. Это личное задание консула. Как только выполним, можем веселиться. Если останется время. И если нам захочется после этого петь и плясать и предаваться Венериным удовольствиям. Друз, расскажи, будь добр, как тебя угораздило выловить эту дрянь из космоса?

– Это лацийский катер, а не дрянь! – обиделся префект фабрума. – Четыре дня назад он очутился рядом со станцией и стал подавать сигнал бедствия. Сигнал устаревший, но наш, лацийский. Мы послали запрос. Нам никто не ответил. Сканирование показало, что это наш катер типа «Калипсо», их уже не выпускают двадцать лет, что на корабле есть оружие, криогенная капсула и тело внутри. Но, судя по показателям, пилот умер. Мы захватили с помощью манипуляторов катер и пристыковали к одному из причалов. Потом двое моих техников в скафандрах вошли внутрь и...

– И?

– Камера оказалась расколота, а человек мертв. Медик станции заявил, что он умер недавно. Возможно, всего несколько дней назад.

– Дальше.

– Судя по всему, этот катер пропал больше двадцати лет назад во время войны с Неронией за планету Фатум. А капсула на катере может поддерживать тело в анабиозе не более трех лет. Вышла, мягко говоря, нестыковка.

– Интересно, – пробормотал Флакк.

– Нашелся катер с мертвым пилотом! Такое случается сплошь и рядом, – пожал плечами Друз. – Зачем весь этот сыр-бор, таинственное отбытие на станцию и...

– Нашелся катер? – перебил его Сулла. От прежнего игривого тона беспутного повесы не осталось и следа. – Префект Друз, это не детская игрушка, которую потерял чужой малыш, а ты нашел. Эта штука где-то болталась двадцать пять лет. К счастью, ты не затащил этот катер внутрь станции, он по-прежнему висит на причале, как я успел убедиться во время облета станции.

– Ну да, согласно инструкции неопознанный объект должен оставаться снаружи... – Друз окончательно растерялся. Он ожидал похвал, восторгов и веселья. А тут его отчитывали как мальчишку, да еще в присутствии жены.

– Он иногда соблюдает инструкции, – похвалила мужа Лери. – Правда, редко.

– А тело? – спросил Сулла.

– Оно в морге станции. В полностью герметичной капсуле. Его поместили в капсулу, прежде чем доставить на станцию. Мой медик отослал образцы тканей погибшего в генетическую лабораторию на планете. Кажется, я не сделал ни одной ошибки, так почему... – Друз повысил голос.

– Что внутри этого катера, мы не знаем, – перебил его Сулла. – Флакк, я хочу, чтобы ты посмотрел на этого парня в морге.

– Зачем мне на него смотреть? Я не врач.

– Если верить его армейскому жетону, он служил с тобой двадцать пять лет назад на планете Фатум. Ты должен его помнить. Опцион Луций Эмилий Павел. Это имя тебе что-то говорит?

– Чуть! Опциона не может быть на этом корабле.

– Но ты служил с ним? – настаивал Сулла.

– Да, я его знал. Он был опционом космических легионеров, а не пилотом боевых кораблей. Погиб на планете и не мог болтаться в космосе четверть века.

– Он точно погиб? Его тело нашли? – упорствовал Сулла. – Эмилий Павел – патриций, к тому же космический легионер, значит, благодаря генетической памяти мог пилотировать катер. Кажется, ты тоже воевал в космосе, Флакк.

– Я видел его мертвым на болотах Фатума. Как и других. Правда, все тела исчезли...

– Что значит – исчезли?

– То и значит. Похоронная команда их не нашла, хотя я точно указал место, где они лежали. Не осталось ни тел, ни оружия. Могу тебя заверить, на Фатуме и не такое случалось.

– Значит, в этом вопросе нет никакой ясности, – подвел итог Сулла.

Флакк с сомнением покачал головой:

– Невероятно! Мы ехали в госпиталь. Семь человек. А в живых остались двое. Я и Кап-лун. Это прозвище. Имени я его не помню, потому что никогда и не знал.

– Клио – судмедэксперт, она немедленно проведет анализ извлеченного тела, – отдал распоряжение Сулла. – Со всеми предосторожностями.

– Значит, вместо кают-компаний, ты приглашаешь нас в морг? – уточнил Флакк.

– Только тебя и Клио. У остальных будут другие развлечения. Друз, ты еще раз просканируешь катер, я попробую определить, хотя бы приблизительно, из какого сектора пожаловал этот корабль, после чего ты, Белка, – повернулся Сулла к своей спутнице, – дашь описание окраинного мира, из которого прибыл к нам мертвый гость. Валерия, ты проверишь открытые каналы Неронии и выяснишь, что известно о пропавшем и вновь нашедшемся анимале Неронии. Кажется, у них там много всего навешано в Галанете. Ты ведь специалист по нерам.

– Значит, вакханалия отменяется? – разочарованно спросила Асти.

Она – единственная, кто оказался на борту станции случайно. Вернее, почти случайно.

– Откладывается, – уточнил Сулла. – У тебя, Асти, тоже задание. Следить за боевым периметром.

– Уточнить периметр! – потребовала Асти.

– Атрий и каюты. Сюда никто не должен входить.

Глава 2

Нерония

Роберт обожал сумрак. Не просто сумрак. А сумрак в вишневых тонах – вишневые шторы на окнах, стекла так же тонированные густо-розовым, чтобы свет дневной и свет фонарей сочился вишневым соком в его убежище.

Вишневый цвет напыления стен, толстенный ковер на полу – с коричнево-красным узором. Мебель тоже вся – под вишню, алые бокалы венецианского стекла – высоченные, так что дух захватывает, только глянешь на их изящные, как застывшие тягучие капли, ножки. Вино в такой бокал наливаешь из черной бутылки, присыпанной седой пылью. Наверняка этот благородный налет фальшивый. Но Роберт не может позволить себе настоящее вино. Ветеранская пенсия не так уж велика даже на Неронии. Так что, отирая о пурпурную обивку дивана фальшивую пыль погребца, бывший десантник вынужден простить вину сомнительную кислотность.

Голопроектор в комнате Роберта день и ночь передает длящийся уже много дней карнавал. Бесконечное шествие под однообразный мотив, заунывный и возбуждающий одновременно. Девушки, все как одна загорелые, с гладкими оливковыми телами, одинаково длинноногие, с одинаково упругими налитыми грудями – без одежды, если не считать брызги напыленной краски, в босоножках на высоченных каблуках, с головами, увенчанными фальшивыми страусовыми перьями, с огромными крыльями бабочек и в белых полумасках. Они вытанцовывают изумительный по отточенности движений танец. За обнаженными красотками следует кордебалет – растения, бабочки, цветы кружатся в вихре, их сменяют огромные леопарды, с улыбочивыми добродушными мордами, окрасом и повадками неотличимые от настоящих, зато раза в три больше. Время от времени какой-нибудь игрушечный зверь облизывает длинным розовым языком плечо приглянувшейся красотки. На гравиплатформах парят обнаженные девушки, опять же чуть sprysнутые краской и украшенные фальшивыми перьями и блестками бижутерии, меж ними порхают райские птицы и колибри размером с настоящего кондора.

Головидео сопровождается не только объемным звуком, но и потоком ароматов – терпкий запах горящих благовоний, приторный – парфюмерии, резкий – пота наполняют комнату.

Наблюдать за шествием можно было с утра до вечера и с вечера до утра, время от времени подливая в алый бокал вино из бутылки. Во время открытия карнавала в императорской ложе появился сам император Неронии в сопровождении свиты. Соседние ложи заняли самые могущественные люди планеты: военачальники во главе с генералом Фредерико, члены Совета Пятисот, аристократы, по совместительству владеющие самыми прибыльными предприятиями метрополии и ее колоний. Глядя на этих холеных, роскошно одетых мужчин и женщин, Роберт Дэвис чувствовал себя униженным.

Просмотрев открытие карнавала, Роберт напился, а потом, пьяный, принялся звонить в министерство обороны и требовать связи с генералом Фредерико, повторяя через каждое слово: «Он мне должен заплатить». За что именно должен заплатить Фредерико, Роберт объяснять не стал.

Так и не получив связи с главнокомандующим, Роберт свалился под стол и заснул. А проснувшись утром, увидел, что голопроектор работает и карнавал продолжается. А в сущности, почему праздник должен остановиться? Потому что ветерану войны Роберту Дэвису очень плохо? Потому что он ненавидит весь мир и генерала Фредерико лично? Чушь, конечно.

Но ничего, они за все ответят, когда явятся чужие. И прежде всего за беспечность, за то, что не прислушались к словам десантника Роберта Л. Дэвиса, не уничтожили планету Фатум к чертовой матери, как советовал им ветеран.

Глядя на карнавальное буйство фантазии и красок, Роберт провел перед голопроектором весь день, медленно погружаясь в состояние транса.

Вечером он поднялся с дивана, накинул поверх белья длинный, до пят, балахон вишневого цвета, накрыл голову капюшоном, сунул ноги в удобные сандалии, ключ от двери повесил на витой шнурок от завязки капюшона и покинул свое убежище. Он выходил на улицу только по вечерам.

Его лицо, исполосованное шрамами, плохо зажившими, безобразно-алыми, выглядело ужасней и причудливей любой маски. Дело в том, что Роберт входил в шесть процентов населения, кому не помогает регенерация. Восстановленная кожа и мышцы тут же начинали организмом отторгаться. Пришлось пользоваться старыми методами – пересаживать кожу, выращивать искусственные органы – десятки операций, постоянная угроза отторжения и каждодневные уколы давно превратили бывшего десантника в инвалида. Больше всего он ненавидел свое обезображенное лицо – почему-то на лбу и щеках кожа не приживалась, и шрамы навсегда обезобразили когда-то в общем-то симпатичную физиономию. Именно поэтому Роберт боялся покидать свою квартирку: в мире, где так ценится красота, где все женщины привлекательны и изящны, а мужчины – брутально-мужественны, он казался нелепой пародией на человека.

Людской поток медленно катился вдоль тротуара. Все двигались в центр – туда, где в очередной раз бушевал карнавал. Встречные улыбались друг другу. Но Роберт не мог улыбаться в ответ. Он уже больше двадцати лет не улыбался. Его мрачный вид и уродливое лицо вызывали недоумение, кто-то в растерянности оглядывался, темноволосая женщина тронула Роберта за балахон и приглашающе улыбнулась. В ответ Роберт натянул капюшон как можно ниже. Он пошел быстрее, стараясь держаться ближе к стене. Надо было всего лишь обойти дом и свернуть за угол. Там в таверне «Старый десантник» его всегда ждут.

– Неужели в самом деле чужие? – спросил рядом голос.

Роберт вздрогнул и остановился. Судя по всему, вопрос задала девушка с выкрашенными в голубой цвет волосами. Парень, к которому она обращалась, смотрел куда-то вверх. Роберт тоже задрал голову. Но увидел только несколько огромных рекламных голограмм.

– Нет-нет, – сказала девушка, заметив, что Роберт рассматривает небо. – Отсюда не увидишь. Они где-то возле разрушенной боевой станции «Тразея Пет». Их пасут анималы. Во всяком случае, так объявили в новостях.

– Это не чужие, это останки наших кораблей, – сказал парень.

– Чушь собачья! Как они могли попасть в наш сектор, а? Выпали из подпространства, как из дырявой сумки? Это чужие. Их разведчики.

Роберт нащупал стену дома и привалился к ней спиной. А ведь он предупреждал. Сколько раз он говорил! Сколько твердил! Но его никто не слышал.

– Вам нехорошо? – спросила девушка, в то время как ее спутник продолжал тарашиться в небо.

– Нет, все в порядке. Просто я долго болел. А теперь вышел прогуляться. Ноги не держат.

– У вас отличная маска! Просто ужас какая страшная! Я обожаю такие, – поведала девушка. – Не терплю этих слащавых бабочек-козочек.

Ну конечно же! Сейчас карнавал! Как же он сам не додумался! Невольно бывший десантник расправил плечи. Пусть считают его лицо жуткой маской.

– Куда вы идете? – продолжала щебетать девушка.

– В таверну «Старый десантник».

– Давайте я вас доведу. Если вы на голосовании дадите мне высший балл.

– Каком голосовании?

– На карнавальном шествии. Хочу танцевать соло. Я – Илио! Прилеплю свою голограмму вам вот сюда. – Она коснулась пальчиком его груди. – Вы не против?

– Но вы же одеты. Как я могу оценить...

– Это ерунда! – Илио повернула пряжку на пояске, в тот же миг вся одежда сделалась прозрачной. Вся, кроме упомянутого пояска. – Ну как? Проголосуете?

– Непременно.

– Отлично! У меня еще один голос! – Она наградила Роберта поцелуем. – Идемте, я отправлю вас напрямиком в пасть нашему разъяренному «Десантнику».

Идти было всего несколько шагов. Роберт и сам удивился – почему он не смог сделать эти несколько шагов, а стоял и пугливо озирался по сторонам, беспомощно нащупывая пальцами стену. Теперь, когда Илио ввела его в уютное помещение с чистенькими столиками и огромной голограммной панорамой киношного сражения космических кораблей, он лишь недоуменно затряс головой, досадуя на себя за нелепую робость.

– Помните, вы обещали мне голос! – прошептала на прощание Илио.

Посетителей в таверне было немного, возле стойки расположилась какая-то парочка, да в углу спал изрядно набравшийся посетитель. Девушка с парнем были завсегдатаями таверны, они кивнули Роберту, когда он вошел, и вернулись к своей выпивке. Бармен налил ветерану первый стакан, как всегда, бесплатно. Вслед за Робертом в таверну вошел незнакомец – невысокий, похожий на подростка человек, изящный и тонкий, в песочного цвета костюме и алой рубашке. На согнутой руке он нес черную мантию, подбитую натуральным мехом. Такие мантии полагались только членам Совета Пятисот. Однако подобные господа никогда не заглядывали в эту скромную таверну.

– Антонио Брунелли, – представился вошедший. – Рад, что вы откликнулись на мою просьбу, Роберт! – Брунелли протянул десантнику узкую ладонь.

Рядом с Робертом он казался учеником шестого или седьмого класса.

– Какая, к черту, просьба? Вы о чем?

– Встретиться здесь, в этой таверне. Или вы забыли?

Роберт в растерянности потер лоб. Может быть, в самом деле был вызов по комбраслету, а он забыл? Странно... странно, что ему кто-то звонил. И странно, что он забыл об этом.

– Вы точно член Совета Пятисот? – зачем-то спросил Роберт.

Приглядевшись, он заметил тонкую сетку морщин в уголках глаз и седые пряди в светлых непокорных мальчишеских вихрах. Просто внешность Антонио, курносый нос, круглые голубые глаза, вихры, юношеский овал лица и, главное, восторженно-улыбчивое выражение навсегда превратили его в невзрослеющего подростка. На самом деле лет ему было никак не меньше сорока.

– Я уже пять лет в Совете. Присядем! – Антонио указал на столик в углу.

Роберт сел. Тут же автоматический бармен поставил перед ними граненые стаканы с янтарной жидкостью. Брунелли взял свой стакан, но пить не стал, Роберт сделал глоток.

– Мне нужно, чтобы вы рассказали о вашем последнем задании на планете Фатум, – Антонио наконец поднес стакан к губам.

– Я все описал в Галанете... и с некоторых пор... вообще не люблю говорить... хотя... могу... – против воли слова вдруг полились сами собой.

«Напиток?! – мелькнула мысль. – А, впрочем, неважно, я хочу это рассказать... Хочу, и все...»

– Мне и моим ребятам поручили отправиться на болота посмотреть, что за корабль там опустился. Со спутника его не засекли. Видел его один наш разведчик издали в обычную оптику. Там, на Фатуме, почти везде болота. Если не скалистые горы, то непременно болота, хвои кругом толще нашего кедра, дожди льют, не жарко и не холодно. А так... Тепловато. Мерзкая дыра этот Фатум. Мы взяли три скутера и отправились. Один тяжелый, два легких. Заросли всюду, вода ржавая, вонь от горящих хвоей... – Роберт помолчал, провел ладонью по лицу. – Я увидел эту махину внезапно. Над болотами висел туман. А потом пелену разорвало.

Вот тогда и увидел *его*. Корабль был почему-то не белого цвета, как большинство космических кораблей, а лилового. И в корпусе светились желтые огни.

– Вы смогли идентифицировать корабль?

– Нет, – покачал головой Роберт. – Я никогда таких не видел. Я в тот миг подумал: чужие. Но вот что зацепило: на планшетке не было этого корабля. И о том, что лацци приближаются, на карте тоже ничего не было. Ни одного тревожного огонька. Как будто наши спутники на орбите сдохли. Мы увидели лацци, когда они выползли из хвощей. Началась драка. Они швырнули в нас гранаты, меня выбросило из скутера и контузило. Последнее, что я помню, – шлепнулся в воду. Попытался выбраться. Еще подумал: если потеряю сознание в воде, то непременно утону, выполз на какую-то кочку и отрубился. У меня был сломан позвоночник. Как потом выяснили. И еще я обгорел. Почти сто процентов кожи обгорело.

– Что дальше?

– Дальше то, во что никто либо не верит, либо согласно кивает, как идиоту. Я очнулся. Но только не на болоте, а на скалах. Я лежал на камнях, на какой-то площадке, откуда была видна лишь вершина скалы и небо, светило солнце, и я не чувствовал боли. Вообще ничего не чувствовал. Только глаза почему-то резало, как от очень яркого света, хотя на Фатуме солнце не жаркое и всегда какой-то мутный свет. Рядом со мной сидели двое. Не свои и не лацци. Я это сразу понял.

– Как они выглядели?

– Как люди. Сотканные из света. Когда один из них заговорил, лицо его сделалось нормальным, а все остальное тело светилось. Но не это было главное... Главное началось потом. – Роберт замолчал и уставился на Антонио.

– Что же вы замолчали? Рассказывайте.

Но вместо этого Роберт стал подниматься из-за стола, опираясь на кулаки и нависая над собеседником.

– Что вам нужно? – прохрипел. – Зачем вы пришли... Антонио поднял руку в недоуменном жесте, дернул кистью. Роберт нелепо моргнул и рухнул грудью на стол. Голова его, отделенная от тела, покатилась по полу.

Брунелли схватил со спинки стула мантию, накинул на плечи и выскочил из таверны.

– Это был браво? – спросила девушка у своего спутника.

– Вряд ли. У него мантия Совета Пятисот.

– Ерунда. Мех поддельный. Это был браво, киллер-судья. – Она повернулась к бармену: – Почему вы не сообщили, что браво приводит в исполнение приговор и собирается устроить здесь казнь? За что они казнили Страшилу Бобби?

Бармен не ответил – он непрерывно нажимал тревожную кнопку на панели управления баром.

– Какая казнь? О чем вы? Меня не предупредили.

– Значит, это не браво. Произошло убийство! – Девушка вынула из ожерелья зеленый камень. – Надеюсь, запись окажется четкой. Ну и где эти чертовы полицейские? Прибудут они когда-нибудь или нет?!

Глава 3

Боевая станция Лация

Спустя три часа «участники вакханалии» вновь собрались в атрии. От прежнего их бесшабашного настроения не осталось и следа. Хмель выветрился, а вместе с ним и веселье. Все выглядели уставшими и мрачными. Один Сулла, кажется, был неутомим и весел. Со стороны могло показаться, что происходящее его забавляет.

– Итак, кто первым возьмет слово? – спросил помощник префекта по особо важным делам, кладя перед собой пентаценовую планшетку и собираясь записывать. – Не бойтесь, я не кусаюсь.

– Давайте я попробую, – предложила Клио. – Итак, я провела анализ найденного тела. Этому парню биологически около двадцати с небольшим. Версия, что он погиб двадцать пять лет назад, не подтверждается. Крио-камера работала практически до последнего момента. Если этот человек воевал вместе с Флакком на планете Фатум, ему должно быть лет сорок. Но это не так.

– Можно предположить, что он летел с субсветовой скоростью и... – подала голос Белка. И сама удивилась своей смелости.

К ее удивлению, Сулла не одернул ее, а благожелательно улыбнулся.

– Катер может прыгать сквозь гиперпространство, но не разгоняться до световой, – возразил Друз. – Можно, конечно, сэкономить месяц-другой на временном парадоксе. Но не четверть века.

– Флакк, теперь ты, – повернулся к легату Сулла.

– Я тоже осмотрел мертвеца. Он выглядит как опцион Эмилий Павел. Он командовал отделением на Фатуме. Мы с Павлом ехали в госпиталь, как я уже говорил, по дороге у нас в тылу напоролись на неров, пятеро погибли. Я был ранен, как-то выбрался из болота и побрел назад к базе. Когда наши вернулись на место стычки, тел не нашли. Ни наших, ни неров. Невероятно! – воскликнул Флакк с неожиданной яростью. – Я столько лет считал, что они все мертвы. И вот теперь увидел одного из них в морге. Возможно, они были в плену. Их можно было спасти. Мы должны были их спасти!

– Почему вы ехали в госпиталь? – перебил Сулла.

– Из-за бобов. – Флакк усмехнулся и покачал головой. – Ну да, из-за бобов. Какая-то сволочь посеяла вместо обычных касторовые бобы. В семенном фонде напутали с семенами. Девать их было некуда в таком количестве. Но шла война. И этот горе-фермер продал все свои бобы армейским закупщикам. Это добро поставили нам на базу. Повара, правда, быстро разобрались что к чему, и касторовую дрянь попросту выкинули со склада. Ну а наш уникальный добытчик Серв притащил мешок в блиндаж. Сварил похлебку, нас накормил до отвала. Это установили потом, уже после трагической поездки в госпиталь.

– Но если вы ехали в госпиталь, то почему столкнулись с нерами? – продолжал свой допрос Сулла.

– На войне всегда неразбериха. Даже когда ты обвешан амуницией на миллион кредитов. Но в тот день, пожалуй, бардака было больше обычного. Во-первых, спутниковая служба слежения показывала, что сектор чист, и не фиксировала ни наших передвижений, ни скутеров неров. Во-вторых, было перемирие, и неры не должны были оказаться в этом секторе. Но они появились. И в третьих, я видел вдали корабль... который опять же не фиксировался на спутниковой карте.

– Галлюцинации? – спросила Клио. – Споры фатумских грибков нередко вызывают галлюцинации и расстройство зрения.

– Галлюцинация открыла огонь и нанесла раны?

– Вы могли перестрелять друг друга, надышавшись спорами, – не собиралась уступать Клио.

– Я же сказал: тел не было, даже фрагментов, а вот сгоревший скутер неров плавал, полужатопленный, в воде. Мы притащили скутер на базу. Это не галлюцинация.

– Что скажешь насчет тела в морге? – Сулла что-то отметил на своей планшете.

– Эмилий Павел точь-в-точь такой, каким я его запомнил. Вот только... у него были залеченные ранения на ногах. Он отказался ехать в госпиталь и лечился на базе. Я сам видел безобразные шрамы. В последнем бою ему опять же досталось.

– Никаких следов регенерации или шрамов на ногах, – заявила Клио. – В регенерированных тканях должны быть так называемые гены ящерицы, без них регенерация невозможна.

– Что с анализом генетического кода? – спросил Сулла.

– Его делают. Скоро получим результаты. Мы взяли образцы и дали запрос в генетический банк. Пока что нам ответили, что не могут идентифицировать материал, – сообщила Клио.

– Эмилий Павел – патриций. Такого не может быть! – возмутился Флакк.

– Ну что ж, первые результаты нашего расследования впечатляют, – заметил Сулла. – Прежде всего тем, что не дают ни одного толкового ответа на поставленный вопрос. Теперь о найденном катере. Нам с Друзом удалось установить, что именно этот катер можно разглядеть на записи сражения, что теперь Нерония вывесила в Галанете. Сектор, где произошло сражение, известен. Это окраинный мир, где вокруг Красного гиганта вращаются несколько мертвых планет. В этом секторе нет нуль-порталов и нет колоний. Там никогда не строили военных баз. – Сулла указал звезду на голограмме звездного неба.

– В соседней системе есть колония Крайняя Фула, воистину край света, – объявила Белка и глянула на остальных – оцените, какая я умница!

– Это мы учтем. Теперь, что касается Неронии и ее погибшего живого корабля-анимала... – повернулся Сулла к Валерии.

– Нерония не делает секрета из своих находок. Они нашли не одного, а несколько пропавших анималов. Но только один оказался живым. Корабль был сильно изуродован, практически не жизнеспособен. Поскольку на Неронии не принято утаивать информацию, то записи, уцелевшие в памяти анимала, тут же поместили в Галанете. Я переписала их сюда, – Валерия продемонстрировала инфокапсулу. – Это бой трех анималов с нашими кораблями. Все анималы исчезли примерно двадцать пять лет назад. Наши корабли – которые удалось идентифицировать на записи – в разное время – от двадцати пяти лет до десяти. Как уже было сказано, на записи виден тот самый катер, что теперь находится у нашего причала. Это предварительный анализ. Эксперты смогут сказать куда больше, когда детально разберутся с записью.

Участники «вакханалии» переглянулись.

– По-моему, нам надо поставить в известность главу космической разведки Герода Аттика, – сказал наконец Флакк.

Никто его не поддержал, но и не возразил. Просто потому, что не знал, что именно докладывать: пока собранные сведения выглядели абсурдно.

В тишине особенно громко прозвучал зуммер экспресс-почты.

– Пришло сообщение от экспертов, – сказал Сулла, просмотрев запись. – Переданный в лабораторию генетический код действительно принадлежит Эмилию Павлу. Анализ клеток указал, что человек был выращен в ускоренном режиме – то есть создан почти что взрослым. Сразу.

– С патрициями такого не бывает, – заметила Клио.

– Это не патриций, а клон. У него есть неизвестные модифицированные гены, – уточнил Сулла. – Наши генетики попытаются разобраться, зачем эта модернизация понадобилась.

Внезапно Друз вскочил и принялся расхаживать по атрию взад и вперед.

– Я не понимаю, к чему вообще вся эта спешка, таинственность, расследование? – спросил он раздраженно. – Разве префект по особо важным делам Корвин не мог просто начать дело и...

– Дело в том, что есть еще одна странная информация – в дополнение ко всем прочим странным, – прервал его Сулла. – Перед началом празднества было получено сообщение: взорван один из планетоидов с военной базой Китежа. На месте взрыва образовался прокол в гиперпространство.

Друз вцепился пальцами в спинку дивана, словно пытаясь усидеть на месте.

– И что? – Флакк, кажется, не собирался придавать этому особого значения. – Наши отношения с Китежем отвратительны. Не война, но настороженная враждебность, это точно. Взрыв на базе Китежа нас никак не касается.

– В Галанете промелькнуло сообщение, что три месяца назад китежане нашли лацийский катер с мертвым экипажем и сделали запрос в ведомство Герода Аттика, – поведал Сулла. – А теперь ни катера, ни планетоида нет. Вообще ничего нет. Пустота. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить, что наши находки связаны. И, поскольку в нашем деле все загадочно и абсурдно, я рискну предположить, что этот чертов катер, что висит на причале станции, тоже может взорваться.

Почти минуту все молчали. Версия Суллы казалась вполне убедительной.

– Кто нам подложил свинью? – спросил наконец Флакк.

– Этого мы пока не знаем.

Неожиданно Друз выругался и бегом покинул атрий.

* * *

Марку Валерию Корвину пришлось пробыть на празднике во дворце до самого его окончания. Он старался быть вежливым со всеми, говорить комплименты дамам и шутить с мужчинами. Он пробыл минут пятнадцать в зале для игры, потом отправился в танцевальный зал. Но трудно веселиться, когда ты не отдыхаешь, а притворяешься, а на самом деле лихорадочно соображаешь, как организовать следствие, но при этом скрыть информацию от Неронии и Колесницы. К счастью, когда у тебя в помощниках такой человек, как Сулла, нетрудно спешный отъезд нескольких важных персон представить как безрассудную проделку молодых негодников. Репутация Суллы очень этому способствовала. Особенно удался спектакль, устроенный патрицием на лестнице с выбором спутницы и переодеванием. Кто бы мог подумать, что девушку пригласили лишь потому, что она окончила университет по специальности окраинные миры.

Уже за полночь Корвин получил сообщение, что собранная в спешном порядке группа прибыла на станцию и приступила к работе. Сулла полагал, что никаких сообщений не будет до утра, и просил префекта не беспокоить его новыми вызовами. Корвин с супругой отбыли из дворца, когда занимался рассвет. Толпа перед дворцом разошлась, но повсюду стояли закутанные в непромокаемые плащи вигилы.

Верджи слегка покачивалась (она явно перебрала фалерна), и Марк поддерживал молодую жену под руку.

– Консул очарователен, – бормотала Верджи. – Все патриции очаровательны, хотя и ненавидят меня. А посол Колесницы идиот. Он сказал... знаешь, что он мне сказал... что он бы на моем месте выбрал десять лет каторги на Колеснице. Скажи, он не идиот?

– Дорогая, он отнюдь не идиот, – все тем же мягким тоном отвечал Корвин.

Как только они вышли из дворца, префект включил систему глушения, так что никто их разговор подслушать не мог.

– Почему ты думаешь, что он не идиот? – тряхнула головой Верджи. – Я думаю, что он жуткий кретин.

– Долго объяснять, – Марк усадил супругу на пассажирское сиденье флайера. – Жаль, что я не могу с ним встретиться.

– Он тоже сказал, что ему жаль, – призналась Верджи.

– А теперь домой.

– Да, да, домой. У нас есть дом. Это же замечательно! Знаешь, наша «Итака» мне напоминает отцовское поместье. Внешне – совсем не похоже. Но все равно напоминает. Мы с братьями там играли. Я – за русских. А они – за наполеоновских офицеров. У нас была площадка, обсаженная туями, там мы разыгрывали Бородино. – Она вдруг всхлипнула.

– Верджи! – Марк к ней повернулся.

– После смерти отца поместье конфисковали. Сказали – за долги.

– А мой отец погиб еще до моего рождения. Его уничтожило в неисправном нуль-портале. Не осталось даже горсти пепла для погребения. В нашей семейной гробнице ему устроили кенотаф.

– Зато у тебя есть сестра, зять, племянник, куча дальней родни. Флакк, к примеру.

– И ты, Верджи.

– Да, я... а у меня есть только ты. Только ты...

* * *

Марк заснул часов в шесть утра, заснул, как провалился в пропасть, – вернее, в очередной сон-подсказку, на них так щедро генетическая память патрициев. Снилось ему, что он (в шкуре деда, которому тогда было лет двадцать, не больше) на непригодной для жизни планете, покрытой песком, с разряженной атмосферой и огромным солнцем, неподвижно висающим у горизонта. За его спиной какая-то база, несколько сборных домиков, справа нагроможденные друг на друга камни, что-то вроде крепостной стены, уложенной наскоро без старания и искусства. Возле ангара грудой свалены кубы замерзшего углекислого газа. Их привезли сюда для какого-то эксперимента.

К базе идет человек в сером скафандре и черной безобразной маске, залепленной герметиком. Скафандр человеку велик. Идущий машет руками, делает знаки. «Я сдаюсь! Воды! Глоток воды!» – кричит человек.

«В укрытие!» – шепчет голос предков.

– На землю! – кричит Марк (вернее, дед Марка) и падает на песок.

Кто-то следует его примеру, кто-то прыгает в тень каменной стены. Марк вытаскивает бластер из кобуры и стреляет в идущего. Тот почему-то не падает, стоит, пошатываясь, а потом превращается в фонтан белого огня. Марк ощущает, как волна жара накрывает его, не выдерживает термоизоляция скафандра, плавится на спине и плечах. Марк тыкается щитком гермошлема в песок. Все, конец... Сейчас скафандр расплавится и... И тут ощущает как что-то падает на него – похоже, что камни, но камни какие-то легкие. Он поднимает голову и видит, как робот-триарий кидает на него кубы замерзшего углекислого газа, они тут же испаряются, повсюду танцуют белые струйки газа.

«Этот человек взорвал сам себя. Он готов был умереть, лишь бы умерли мы...» – думает Марк, разглядывая оплавленный песок.

Сон прервался. Раздался требовательный вызов комустройства. Жаль! Что-то важное было еще потом. Что-то такое, что Марку надо было вспомнить обязательно, а он не успел.

Корвин хлопнул в ладоши, и шторы на окнах разошлись. Солнечный свет хлынул в комнату.

Загорелое тело Верджи на белых простынях выглядело ослепительно. Во сне она почему-то всегда сбрасывала одеяло. Они поженились три месяца назад, но Марк еще не мог привыкнуть к тому, что просыпается по утрам не один.

– Что случилось, дорогой? Неужели убийцы не могут подождать до утра? – пробормотала Верджи сквозь сон.

Корвин взглянул на возникшую в воздухе голограмму.

– Убийцы могут, а мой зять – нет. Спи, дорогая.

– Да, да, я сплю. Только не забывай, что в выходные ты обещал поехать на море и...

– Я помню.

Корвин накинул халат и вышел из спальни на террасу.

С тех пор как фамильная усадьба «Итака» перешла полностью в его владение, Марк многое изменил во внутренних помещениях, переоборудовал свой кабинет и библиотеку, но терраса осталась прежней – какой он увидел ее в первый раз, вернувшись домой после двенадцати лет рабства на Колеснице Фаэтона. И хотя потом терраса – как и вся усадьба – пострадала во время пожара, ее восстановили в прежнем виде, с мраморной балюстрадой и статуей Марка Валерия, основателя их рода, в нише. На мраморной руке предка сидел бронзовый ворон, символ их рода.

Освещенный утренними лучами звезды Фидес сад казался воистину волшебным. Что может сравниться с садом, когда на его дорожки падают сквозь влажную от росы листву косые лучи восходящего солнца?

Корвин придвинул плетеное кресло к балюстраде и сел. Включил стационарную связь. Изображение префекта станции возникло на фоне балюстрады.

– В чем дело, Друз? Опять поссорился с моей сестренкой?

– Ссора затянулась, – ответил Друз, кривя губы. – Тебе придется нас мирить.

Хотя Друз пользовался защищенным каналом, говорить в открытую, что произошло, он не решился.

– Думаешь, я могу вас помирить?

– Кто же еще? Ты знаешь, какой у нее характер!

– Где встретимся? У меня? – спросил Корвин.

– Я уговорил Валерию поехать в гости к сенатору Манлию Торквату. Он нас помирит. В шесть вечера мы прибудем. Известить кого надо. Нам нужна помощь. Сулла тоже будет.

«Неужели все так серьезно?» – с тоской подумал Корвин.

Впрочем, что дело серьезно, он понял еще на балу. Когда Верджи подошла к нему после разговора с послом и, склонив голову ему на плечо, прошептала:

– Посол сказал, что о рождении ребенка не может быть речи. Я должна покинуть планету в течение ближайших трех месяцев, после этого предложение теряет силу. Он опять вел себя так, будто оказывал мне огромную милость.

Пока Верджи говорила, посол Колесницы внимательно за ними наблюдал. Этот человек все рассчитал: и то, что Верджи откажется покинуть Лаций, и то, что передаст мужу разговор с колесничим слово в слово.

– Посол сказал, что очень рискует, делая мне это предложение, – шепнула Верджи. – Но он всегда испытывал симпатию к *Лацию*.

«Конечно, рискует! Еще бы! Ведь он предупреждает Лаций, своего врага, о близкой угрозе! Он даже называет срок. Весь вопрос, от кого эта угроза исходит!»

* * *

Каюта Друза была отделана не хуже, чем атрий станции. Трапезиновидное помещение расширилось в сторону панорамного окна. Небо (не голограммное, а настоящее), бархатно-чер-

ное, с россыпью звезд и синей долькой наполовину освещенной управляющей станцией Звездного экспресса глядело в три огромных окна, что занимали всю наружную, самую длинную стену. Роскошные диваны, стол из настоящего дерева в центре. Каюта не делилась на несколько помещений – это была одна спальня-гостиная-кабинет.

Первым делом Лери закрыла ставни, небо исчезло, и сразу ощущение пространства и бесконечности сменилось замкнутостью военного бункера.

– Дорогая, давай поговорим! – На губах Друза застыла фальшивая улыбка. Лери невольно огляделась. Так может улыбаться человек, которого жена застала в спальне в объятиях любовницы.

Но Друз был одет, и любовницы рядом не наблюдалось.

– Может быть, пригласим сюда Клио? Кажется, ты собирался устроить любовь втроем? – спросила Лери. Но шутка получилась не игривой, а грубоватой.

Друз опустил на кресло, сцепил руки в замок. Взгляд его сделался взглядом несчастного провинившегося пса, который не рассчитывает на прощение.

– Лери, ты должна уехать вместе с нашим малышом на Острова Блаженных, – предложил он севшим голосом.

– Вот как? Ты что-то утаил от других, Лу, – она уселась рядом с ним, провела ладонью по его щеке. – Что именно, дорогой? – Таким тоном мог бы разговаривать следователь с подозреваемым.

– У нас никогда не было тайн друг от друга, Лери, не так ли?

– Ну конечно, милый, мы все делали сообща. Во все передраги попадали вместе. Правда, обычно еще во всех наших приключениях принимал участие Марк – в той или иной мере. Хотя, по сути, он и сейчас тоже участвует. На расстоянии.

Лери изобразила улыбку, как бы всем своим видом показывая: «Говори, не бойся, милый, я тебя не съем».

– Дело в том, что... – Друз откашлялся. – Я думаю, что этот треклятый катер... Может угробить нашу планету.

– Ты ничего не сказал об этом Сулле.

– Это всего лишь догадка. У меня нет доказательств.

– Так что же ты утаил, дорогой?

– Один факт... Про бомбу.

– Ну да, Сулла предположил... – Лери запнулась. – Разве наши саперы не могут разминировать бомбу за три месяца? За что им тогда платят деньги? Или у них дрожат руки с перепоем?

– Это не простое оружие, Лери. Это замаскированная под корабль хронобомба.

Лери почувствовала, что у нее вспотели ладони, а во рту пересохло.

– Ты не ошибся? – спросила она наигранно бодро. – Ты ведь часто ошибаешься... так ведь?

– Я не ошибся. У меня есть подозрение, что бомба очень мощная. И спастись... тем, кто попадет под удар, не удастся. Не исключено, что наша планета вообще исчезнет. Или так пострадает, что на ней прекратится жизнь.

– Но ведь этот катер не так велик.

– Дело не в размере. Принцип устройства – вот что главное.

У Лери мелькнула надежда, слабая, тусклая надежда:

– Скажи, что ты это выдумал, чтобы меня напугать.

Вид у Друза в этот момент был самый нелепый. Он шевельнул губами.

Лери внезапно успокоилась, во всяком случае внешне, и спросила тихим севшим голосом:

– Так почему ты решил, что это хронобомба, к тому же такая мощная?

– Когда-то в Норике лет сорок велись работы по созданию подобного оружия, но после двух-трех испытаний на астероидах отказались от этой затеи – риск был очень велик. Я понял, что нам подсунили, когда догадался установить, из чего сделан прочный корпус катера. Это сплав G-7, который специально создали для экспериментальных образцов. Сплав этот используют в технополисе. Но не при строительстве кораблей. Тогда я просканировал катер, убрал на вирт-модели все перегородки и получил схему хронобомбы. Три контура. Три спирали времени, усиливающие друг друга. Кто видел их хоть раз, узнает сразу. Они так же узнаваемы, как модель атома или схема Солнечной системы.

– Когда она сработает?

– Я же сказал: не знаю. Может быть, через три месяца. Может быть, завтра.

– Что будет с Лацием?

– Тоже сказать не могу.

– Но зачем понадобился пилот? Для маскировки?

– Наверное. Чтобы мы приняли корабль как родной и ничего не заподозрили.

– То есть корабль взорвется, когда окажется на Лации?

– Нет, не то. Он может взорваться и в космосе. Я не знаю всех параметров...

– Но это же наш, лацийский, корабль!

– Нет, дорогая, это копия нашего корабля. Как пилот – копия нашего легионера. Внутрь встроена адская начинка. Если это чужие... извини, безумная версия... но, если это чужие, возможно, они просто скопировали найденный корабль и вставили туда бомбу.

– Зачем?

– Что-то вроде мины на дороге цивилизаций. Кто нашел, тому не повезло.

Лери задумалась. Несколько минут они сидели молча.

– Пояс шахида, – сказала она тихо.

– Что?

– На Старой Земле когда-то люди взрывали друг друга, привязывая к телу пояса со взрывчаткой. Примерно так взорвал себя один нер во время войны за Дубль-Марс. Я помню об этом памятью деда. Теперь этот пояс привязан к нашей планете.

– Через полчаса мы возвращаемся на Лаций. На вилле у Манлия Торквата совещание. Будет консул. Я должен лететь. Уже связался с Марком.

– Ты хоть знаешь, что нам делать с этим подарочком чужих?

– Понятия не имею.

– Его нельзя куда-нибудь отправить? – с надеждой в голосе спросила Лери.

– Нет.

– Почему?

– Долго объяснять... – Он запнулся, набрал побольше воздуха и выпалил: – Лери, ты должна улететь. Ты и наш малыш. До утра есть время – никто не знает о результате сканирования, нет паники, и есть свободные места на стартующем утром звездном лайнере. Через неделю ты окажешься на Островах Блаженных.

– Друз, по-моему, ты забыл, что мы – патриции. Мы не можем сбежать, как шайка жуликов, воспользовавшись инсайдерской информацией.

– Я остаюсь! – гордо объявил Друз. – И вообще, я мог бы тебе ничего не говорить...

– Во-первых, я не кусок мяса, который можно загрузить на корабль, я имею право принять решение сама, – напомнила мужу Лери. – Во-вторых, я знаю про взрыв планетоида. Твое предложение уехать лишь подтверждает гипотезу, что наш случай из той же серии. В-третьих... – Ее глаза сверкнули мрачным огнем. И Друз не мог сказать, что в них – решимость, ненависть или презрение. Или все вместе. – Даже если будет решение об эвакуации детей, и Лу покинет планету, я останусь.

– Ты хочешь поставить нашего сына в общую очередь? – изумился Друз.

– Лаций – одна семья.

– Это старые байки, Лери! – отмахнулся Друз. – Вот увидишь, как только объявят об этой дурацкой бомбе, все кинутся к кораблям, помчатся наперегонки, позабыв, кто патриций, а кто плебей.

– Не говори ничего больше!

– Но...

– Ни слова!

– Совещание только вечером! – сделал последнюю попытку настоять на своем Друз. – Тебе совершенно необязательно туда ехать. На космодроме пересядешь на звездный лайнер. Лери, я сойду с ума, если ты останешься. – Он сжал ее руки с такой силой, что она вскрикнула. – Что мне сделать, чтобы ты мне поверила? А?

– Консул в ближайшее время все узнает. Подобное бегство – позор.

– И что? Вы останетесь жить. Подлость ради спасения ребенка – не подлость.

– Прекратим этот разговор. Я не сбегу. Да, кстати, милый... – ее голос сделался ледяным. – Надеюсь, ты не забронировал для нас места на этом звездном лайнере? Только не лги, дорогой.

– Забронировал, – выдохнул Друз.

– У тебя есть пять минут, чтобы отказаться. – Она высвободила руки из его ладоней. – И будем считать, что этого разговора никогда не было.

Глава 4

Катер на орбите

Никто так и не смог установить, почему первое поколение колонистов Лация обзавелось генетической памятью, а для всех остальных, прибывших на планету спустя несколько лет, этот дар оказался недоступен. Возможно, именно это преимущество первых поселенцев породило в чьей-то голове желание сравнить себя с патрициями Древнего Рима. Дальше – больше. Возникла Республика, а вместе с нею – народное собрание и сенат. Город тоже основали на реке, названной Тибром, и столица получила название Новый Рим. Поначалу это походило на игру, все эти тоги, титулатура, латинские термины, базилики и термы, привезенные со Старой Земли саженьцы кипарисов и оливковых деревьев. Но проходили годы, и затеянная поселенцами игра стала неотъемлемой частью жизни. Колонисты других миров не отставали. На Китеже возникла Россия девятнадцатого века, на Колеснице Фаэтона – наполеоновская Франция. Планета Цинн стала моделью Древнего Китая, японская планета Ямато следовала пути бусидо. А потом появились теоретики реконструкции истории, обосновали необходимость процесса. То, что первые колонисты делали порой в шутку, дурачась, их потомки возвели в ранг неприкасаемой святыни. Земляне не могут жить без прошлого, оно часть их жизни, лишь оно дает ни с чем не сравнимое чувство многомирья, без которого человек ощущает свою ущербность. Как флоре и фауне необходимо видовое разнообразие, так человечеству нужны различные культуры, непохожие цивилизации и многочисленные языки.

Будущее, которое стремится в прошлое. Что это? Дань традициям или страх перемен? Подобные вопросы задавали, но ответов не находили. «Сделав шаг вперед, хочется тут же вернуться назад» – этот тезис стал девизом реконструкторов. Это можно было бы счесть просто внешней формой, данью традициям, искупительной жертвой на алтарь истории: не думайте, мы все те же, несмотря на то что замкнули нуль-порталы в кольцо и построили Звездный экспресс, оборудовали дальнюю связь, размножаемся в основном в пробирках и выращиваем клонов. Просто старые истины отныне подаются в новой упаковке.

Но была одна особенность в этой игре, которую нельзя было назвать капризом или выдумкой: это генетическая память патрициев. Способность одних и неспособность других проводила черту, которую нельзя было игнорировать и назвать условной. Если ты патриций, то твоя жизнь так сильно отличается от жизни других людей, что начинаешь думать невольно: стоят ли все эти запреты странного дара, которым наградили тебя предки? Помня в подробностях все, что совершили предыдущие поколения за минувшие десятки и сотни лет, невольно копируешь чужое прошлое. Обычаи отцов – не просто след на твоей жизни, а выжженное неуничтожимое тавро. Консерватизм в поведении неизбежен, возможность любых перемен и реформ воспринимается почти как трагедия. Для всех прочих патриции на одно лицо – не по внешности, но по характеру. Их называют стародумами и тугодумами, высмеивают их обычай прислушиваться к голосу предков. Но плебеи могут смеяться сколько угодно – генетическая память дает патрициям неоспоримые преимущества. Одно время даже возникла теория, что на Лации родилась новая раса. Но теорию эту очень быстро отвергли и постарались забыть: патриции оказались достаточно умны, чтобы понять – немногочисленная группа слишком уязвима, чтобы объявить войну за выживание плебеям.

Патриции, прежде всего, дилетанты, они не учатся, а вспоминают. Весь процесс образования сводится к умению выстроить в определенном порядке полученные в наследство знания, автоматически получать к ним доступ. Этакий личный Галанет, быстрое действие которого зависит от удачной поисковой программы. Патриций даже не может выбрать себе профессию: его преимущество – накопленные знания предков, которые он умеет вовремя применить. Ни с

чем не сравнимое чувство, сродни эвристическому озарению, когда голос прежних поколений начинает звучать в мозгу.

* * *

Небо было затянуто тучами, низко висящими над землей и обещающими теплый весенний дождь. Порывами налетал ветер, ломал на деревьях ветки. Обычная весна. Их прошло уже пятьсот тридцать, с тех пор как на Новом Тибре основали Новый Рим.

«Последняя весна?» – Корвин спешно отогнал эту мысль.

На западе ветер разогнал тучи, и проглянуло чистое небо – ярко-оранжевое, будто залитое огнем.

На площадке уже находилось два десятка флайеров. Корпус одного из них был пурпурным.

– Консул прибыл, – сообщил легионер в черно-серой форме, приветствуя Корвина и Суллу.

Марк покосился на своего помощника. Сулла выглядел безмятежным.

«Неужели парень ни капельки не трусит?» – подивился Марк.

Сам он чувствовал себя неуютно, с тех пор как Сулла, прибыв на планету с боевой станции, сообщил о гипотезе катера-бомбы.

«Будем надеяться, раз эта штука не сработала до сих пор, она потерпит еще немного, – попытался успокоить себя Корвин. – Хорошо тем, кто верит в посмертную жизнь. К тому же они могут надеяться, что жаркая молитва заставит Бога вмешаться. А мы можем надеяться только на себя. И еще на память предков».

– Оставьте комбраслеты в атрии, – попросил адъютант.

«Хотят исключить любую утечку информации, – сообразил Марк. – Опасаются паники».

Паника рано или поздно начнется. Можно лишь отсрочить момент, когда хваленый порядок Лация превратится в хаос. Какое бы решение ни принял сенат, наверняка большинству оно не понравится. Потому что в данной ситуации спастись может только меньшинство.

Адъютант провел префекта Корвина и его помощника в большую залу – помещение длинное и узкое, повторяющее по форме расположенный в центре стол. Кроме стола и стульев да голограммы звездного неба вдоль короткой стены, здесь ничего не было – даже окон. Дверь была одна-единственная – через которую они вошли. Манлий Торкват (как и его отец и дед) всегда страдал паранойей и засекречивал все на свете, даже меню собственного ужина.

Вокруг длинного стола уже собрались почти все участники совещания. Во главе, как и положено, установили курульный стул для консула Аппия Клавдия. По правую руку от правителя Лация сидел молодой человек с желтоватым болезненным лицом и черными длинными волосами до плеч. Его узкие серые глаза смотрели пристально и одновременно насмешливо. Луций Сергей Катилина возглавлял корпорацию по строительству и реконструкции космических кораблей. У Марка возникла слабая надежда: возможно, этот парень может подсказать, что делать с найденным катером. Все-таки он более узкий специалист, чем Друз, который, спору нет, технический гений, но еще и потрясающий оболтус. Рядом с Катилиной занял место сенатор Валерий Флакк. Где-нибудь на Неронии его бы назвали спикером парламента, а на Лации он именовался принцепсом, то есть первым в сенате. Рядом со стариком находился его племянник легат Флакк, с которым Марк состоял в дальнем родстве. Эх, если бы все можно было решить доблестью, как в очень давние времена, Флакк был бы незаменим.

Хозяин усадьбы сенатор Торкват, глава сенатского комитета по безопасности, расположился в торце стола, как раз напротив консула. Торквату было лет шестьдесят пять, высокого роста, массивный, с квадратной головой и широченными плечами, внешне он напоминал пса бойцовой породы, готового любого противника разорвать на части. Но если его отец и дед

славились непреклонностью, то нынешний Торкват не умел выдерживать длительную осаду и мог сдаться неожиданно даже слабому противнику, если тот умело блефовал. Еще Торкват славился своими консервативными взглядами.

«Самое неудачное сочетание в данный момент, – подумал Корвин. – Куда лучше, если бы комитет возглавлял кто-то другой, например Флакк».

Но репутация предков обеспечила Манлию Торквату голоса в сенате.

Префект Норика, загорелый, бодрый и потянутый человек с копной густых, начинающих сесть волос, несомненно был самым влиятельным плебеем Лация. При этом никто не знал его подлинного имени, его безлично именовали «префект Норика», глава техноцентра планеты. В разговоре к нему обращались «доминус N». В одном можно было быть уверенным: сегодня префект Норика показывал свое истинное лицо, поскольку все имитаторы вирт-масок у него отобрали бдительные адъютанты.

Корвин уселся в предназначенное ему кресло и оказался напротив главы косморазведки Герода Аттика.

В соседнем кресле наискось от Корвина сидел помощник Герода, молодой человек в форме центуриона космической разведки. На столе перед Геродом лежала тонкая черная папка. В остальном стол был девственно чист. Полированное дерево сверкало.

– Мы кого-то ждем? – Марк покосился на пустующие кресла рядом.

– Сенатора Валерию и префекта фабрума Друза, – ответил Герод Атик таким тоном, будто Марк был виноват в их задержке.

«Или он подозревает, что эти двое сбежали?» – Эта мысль показалась Марку не такой уж нелепой.

Во всяком случае, он бы не стал их осуждать... да, не стал бы. Он бы сам так не поступил. Но Лери... ей он готов был простить это бегство.

Марк почти физически ощутил, что атмосфера в кабинете становится все более тягостной. Консул все чаще поглядывал в его сторону, а Герод, тот вообще не сводил взгляда.

– Может быть, начнем? – спросил Сулла. – Я постараюсь ответить на вопросы вместо префекта фабрума.

Корвин был почти уверен, что Лери и Друза, а главное их сына, уже нет на планете. Видимо, так считали и остальные.

Но когда консул уже собирался открыть совещание, дверь отворилась, вошли Лери и Друз. Лери выглядела великолепно – тщательно причесанная, в белой с красной каймой столе, как и положено женщине-сенатору. Чуть-чуть бледная, пожалуй, но бледность ей всегда очень шла, придавая ее смуглой от природы коже изумительный матовый оттенок. А вот у Друза был вид усталый, даже измученный, он смотрел в пол и, приветствуя собравшихся, не поднял головы.

«Что он такое натворил? – встревожился Марк. – Неужели умудрился запустить эту чертову бомбу? Он любит без спросу нажимать ненужные кнопки».

Лери уселась рядом с братом. Друз расположился подле супруги.

– Начинайте, префект, – обратился консул, но не к Корвину или Сулле, как ожидал Марк, а к Героду Атику.

Герод раскрыл свою черную папку. Внутри лежал лишь один листок. Шрифт был мелкий и занимал чуть больше половины страницы.

Глава космической разведки Герод Атик обожал играть в кошки-мышки со всеми, но с патрициями эти фокусы не проходили. Они помнили – точно так вели себя его дед и отец. Пусть Герод Атик – плебей, и у него не могло быть генетической памяти патрициев, зато он не просто походил на своего отца и деда, он был их точной копией. Когда дед Герода Аттика после гибели жены не захотел жениться вновь и иметь детей, он попросту вырастил вместо сына своего клона. И хотя этот новый Герод (в более распространенной транскрипции других миров

– Ирод) женился, он в свою очередь обзавелся в качестве наследника собственным клоном. Так в этом плебейском роду появилась уникальная традиция раз за разом копировать самого себя, не допуская чужие гены в тело наследника.

– У меня есть расшифровка записи, полученной с уцелевшего анимала. Не тот видж, что помещен в Галанете, а полная, полученная непосредственно от неров, – каким образом полученная, Герод уточнять не стал.

Префект разведки повернул голову в сторону голограммы звездного неба, и она ожила. Слева выплыло изображение красного шара. Раздувшаяся умирающая звезда. Ничего, кроме мутных далеких звезд и этого пухлого красного шара, на изображении не было. Но вот что-то мелькнуло, потом медленно выплыл искореженный взрывом осколок, из него паутиной тянулись какие-то потроха корабельной начинки, кабели шевелились щупальцами осьминога. Когда обломок повернулся, Корвин сумел разобрать название: «Валерий Корвин». Он вздрогнул. Оказывается, один из кораблей носил его родовое имя.

– Как интересно! – воскликнул Герод, заглядывая в свой листок. – Это же корабль вашего двоюродного дяди, префект Корвин.

Новый осколок возник на экране, в этот раз почти весь корпус катера уцелел, в носовой части корабля даже тлели огни, а вот корму со скачковым приводом и дюзами срезало напрочь.

– Насколько мы можем судить, это запись какого-то сражения между нашими кораблями и тремя анималами, сделанная живым кораблем Неронии три года назад, – сказал Герод.

– Но эти звездолеты исчезли во время войны с Неронией, – сказала Лери. Потом наклонилась к брату и добавила: – В Галанете точно такой же видж. Герод просто набивает себе цену.

Остальные молчали. Теперь на экране возник мертвый анимал. Развороченные внутренности живого корабля напоминали желе рубинового цвета. Замерзшая кровь и ошметки плоти свисали из рваных ран причудливой бахромой.

– Орк! Что это за кладбище? – вскрикнул сенатор Валерий Флакк. Он всегда славился эмоциональностью. И в двадцать, и в семьдесят был одинаково вспыльчив и нетерпелив.

– Пейзаж после битвы, – Герод говорил совершенно буднично. Будто речь шла о незначительных неполадках на какой-нибудь автоматической станции. – Координаты системы мы смогли отследить.

И тут произошло что-то невероятное, на месте одного из катеров возникла черная воронка. Вращаясь, она начала расширяться, засасывая обломки кораблей. Запись длилась всего секунду или чуть больше. Но Корвину показалось, что тьма навалилась на него и засасывает в свое пустое жерло. Первобытный Хаос глянул своим мертвым глазом из небытия. Корвин невольно отшатнулся. Услышал, как рядом вскрикнула Лери, а Друз помянул Орка. Орка в самом деле самое время было помянуть – ведь эта тварь, по поверьям римлян, пожирала тела мертвых, оставляя в подземном мире лишь беззащитные души, похожие на белых полупрозрачных насекомых.

Корвин не сразу сообразил, что про бледных прозрачных насекомых шепчет ему голос предков.

Изображение давно погасло, возникло вновь – на голограмме мирно поблескивали звезды – никаких кораблей и воронки, – а люди сидели неподвижно, оцепенев. Друз же вскочил и подался вперед, как будто хотел прыгнуть внутрь голограммы.

– Впечатляет, – сказал наконец легат Флакк.

– Анимал совершил так называемый мысленный перенос, – прокомментировал Герод Аттик, – потому и спасся.

– Ч-что это было? – спросил Торкват.

– Прокол в гипер, – сказал Друз и уселся на место. – Удивительно, что анимал успел совершить скачок.

– Их что, всех затащило туда? – Торкват не хотел верить собственным глазам.

– Конечно, – отозвался Герод, а Друз утверждающе кивнул.

– А это настоящая запись? Не виртуалка? – Торкват подозрительно прищурился.

– Реал, – заверил Герод.

– Я бы хотел посмотреть еще раз, – сказал Корвин.

– Не прониклись моментом? – спросил Герод.

– Самое начало. В замедленном режиме. Хочу уточнить один эпизод. До того как выплыл первый осколок.

Герод включил запись. Опять возник перед собравшимися Красный гигант, что-то мелькнуло вдали.

– Вот это! – сказал Корвин. – Что там?

– Слишком далеко. Какой-то астероид или... – прокомментировал Герод.

– Это не астероид, – перебил его Корвин. – Это корабль.

Герод принялся давать увеличение и наводить резкость. Крошечное пятно превратилось в белое прозрачное насекомое.

– Это не наш и не нер, – сказал Корвин.

– И не колесничий, – добавил Флакк.

– Чужой? – спросил Торкват.

– Нет, так с ходу нам не определить, – Герод вернул изображение к первоначальному масштабу. – Я прикажу моим людям идентифицировать этот объект. Если он так важен для вас, префект Корвин.

– Очень важен, – отозвался Марк.

– Этот корабль... его тоже затянуло в дыру гипера? – спросила Лери.

Кажется, она только теперь пришла в себя. Марк заметил, что Друз коснулся ее руки, но тут же убрал ладонь.

«Из-за чего они поссорились? Лери не дуетя по пустякам», – подумал Корвин.

– Вероятно, – отозвался Герод.

– Наши корабли сражались с анималами, – консул вернулся к прежней теме. – Мы что, ведем войну с Неронией и сами не знаем об этом? – Похоже, Клавдий растерялся на миг, но постарался взять себя в руки. – Полагаю, Неронии об этом известно не больше нашего.

– Корабли, останки которых мы видим, пропали все примерно в одно и то же время, как верно заметила сенатор Валерия, – двадцать пять лет назад во время войны с Неронией, – заявил Герод. – Напоминаю, что Лаций постоянно несет потери, как будто где-то идет затяжной военный конфликт, но при этом официально мы ни с кем не воюем.

Он демонстративно постучал пальцами по лежащему перед ним листку.

Тут же молодой человек в форме центуриона разведки поднялся, достал из-под стола кейс, извлек заранее приготовленные подшивки по десять страниц, обошел стол и положил перед каждым из присутствующих заготовленный отчет.

Марк перелистал пару страниц. По данным космической разведки выходило, что лацийский флот теряет корабли постоянно. За последний год исчезло столько же кораблей, что и в год войны с Колесницей Фазтона.

Все отличие в том, что теперь это были сплошь мелкие корабли – боевые катера или легкие эсминцы.

– Как я понимаю, сестренка, в Галанете концовки записи и взрыва не было? – спросил Марк, наклоняясь к Лери. – Мы все не особенно любим нашего Ирода, но он не даром ест свой хлеб.

– Орк! Мне все это не нравится! – проговорил Торкват. – Постоянные диверсии, неизвестно кем устроенные. Пора бы дать мерзавцам по рукам!

– Есть какие-то соображения? – спросил консул.

Он не обращался ни к кому лично. Но Корвин решил, что вопрос задан непосредственно ему. Возможно, консул надеялся, что префект по особо важным делам вспомнит что-нибудь подобное из практики отца, деда или прадеда. Но нет, никто из них, похоже, не сталкивался с подобным. Предки молчали. Да и странно было надеяться – это ведь не уголовное дело.

– Тайный противник ведет против Лация тайную войну, – предположил легат Флакк. – Нам попросту надо найти его.

– Еще один факт стоит принять во внимание, – вновь заговорил Герод. – На мой запрос Нерония предоставила данные, согласно которым ее флот также понес ощутимые потери. Они, в отличие от нас, теряли анималов.

– Империя Колесницы? – назвал предполагаемого врага консул.

Версия не отличалась оригинальностью: Лаций находился с Колесницей Фэтона в перманентной вражде. Вопрос был не в том, есть или нет конфронтация с Колесницей, а каков ее накал.

– Не исключено, – сдержанно кивнул Герод. – На мой запрос колесничие ответили, что не нападали на наши корабли. Нерония также получила похожий ответ на свою ноту. Нам, кстати, тоже прислали ноту...

– Оставим в стороне обмен дипломатическими любезностями, – оборвал его консул. – Мы не поскупились на претензии в ответ. И все-таки, – консул нахмурился, – вина колесничих – это лишь догадки или есть улики? Есть доказательства, что диверсии совершает Колесница Фэтона?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.